

ТВЕРДАЯ КАК АЛМАЗ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

# ВЗЛОМАННЫЕ НЕБЕСА

ЭЛ РОБЕРТСОН

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

Звёзды новой фантастики

Эл Робертсон

# **Взломанные небеса**

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)-44

**Робертсон Э.**

Взломанные небеса / Э. Робертсон — «Азбука-Аттикус»,  
2015 — (Звёзды новой фантастики)

ISBN 978-5-389-11703-7

Когда Земля стала непригодной для жизни, человечество нашло спасение на Станции – гигантском промышленном астероиде, находящемся под управлением высших сущностей, богов Пантеона. Но и этот мир хрупок: Пантеон ведет войну с Тотальностью – корпорацией искусственных интеллектов, когда-то отколовшихся от него. Наступает временное перемирие, и Джек Форстер, прошедший семь лет на войне и в плену, возвращается домой, на Станцию. Его сопровождает Хьюго Фист, виртуальное существо в облике деревянного паяца, созданное для того, чтобы отслеживать и уничтожать враждебный искусственный разум. Скоро эти двое окажутся втянуты в заговор богов, грозящий гибелью не только им, но и всему человечеству. Впервые на русском языке!

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-11703-7

© Робертсон Э., 2015  
© Азбука-Аттикус, 2015

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 6  |
| Глава 2                           | 12 |
| Глава 3                           | 15 |
| Глава 4                           | 21 |
| Глава 5                           | 25 |
| Глава 6                           | 29 |
| Глава 7                           | 32 |
| Глава 8                           | 35 |
| Глава 9                           | 41 |
| Глава 10                          | 49 |
| Глава 11                          | 55 |
| Глава 12                          | 58 |
| Глава 13                          | 62 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 64 |



# **Эл Робертсон**

## **Взломанные небеса**

**Al Robertson**  
**CRASHING HEAVEN**

Copyright © Al Robertson 2015

© Д. Могилевцев, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

## Глава 1

«Эй, Фист, выгляни в окно. – Чтобы не привлекать внимания окружающих, Джек окликнул паяца мысленно. – „Снежинки“!»

Шаттл развернулся, и ледяные колоссы вспыхнули и заискрились под лучами солнца. Судя по всему, зрелище впечатлило и паяца – Хьюго Фист не сказал ни слова.

Перед Станцией в мертвой пустоте висела дюжина «снежинок». Меньшие – всего с полкилометра в поперечнике – вращались, сияя отраженным светом. А их большие, величественные сестры, сложной конструкции, с массивной кристаллической решеткой, и сами излучали сияние. За ними виднелась оставленная людьми, затянутая ядовитыми тучами Земля. Их хаотическое роение, казалось, оскорбляло холодное совершенство кораблей.

«Боевая эскадра Тотальности – здесь?! – прошептал изумленно Фист. – Дружок мой Джеки, выходит, мы и в самом деле проиграли войну».

«Если верить Заре, их военные силы прибыли месяц назад – чтобы поддержать дипломатов, договаривающихся о мире».

«Что, лазил в сеть? Смотрел новости? А я думал, ты уже завязал с этим».

«Просто хотел узнать, куда мы возвращаемся», – пояснил Джек.

«Разумеется! И заодно отправить очередное письмо Андреа. Гарри – покойник, она тоскует в одиночестве, и тут ты наконец вернулся из тюрьмы. А вдовушка не отвечает. Ну не странно ли?»

Джек промолчал. Только письма Андреа и спасали его два последних тюремных года. Ее послания помогли примириться с жизнью военнопленного и неминуемой скорой смертью. Джек ожидал, что Андреа будет вне себя от радости, узнав о его возвращении домой, на Станцию. Но он не получил ответа ни на письмо, сообщавшее об освобождении, ни на все прочие, отосланные после.

Джек снова выглянул в окно. Шаттл приближался к «снежинкам». Они плыли в пространстве, как замерзшие звезды. Вокруг них роились патрульные дроны. Позади виднелась Станция – величайшее творение Королевства. Семь долгих лет Джек лишь мечтал о родном доме. Таком огромном – целых девять километров длиной и два с половиной километра в самом широком месте. И каждый его квадратный сантиметр – донельзя уродлив. Башни-близнецы Дом и Док торчат ржавыми мусорными баками из Бородавки – выпотрошенного астероида, зажатого между ними будто срам между ног.

Если и было хоть что-то красивое на Станции, так это грузовые причалы. Их светящиеся линии мерцали над открытым жерлом Дока, тянулись от Хребта, изгоняя пустоту и заполняя ее собой. Хребет был усеян лампами: их свет заменял Станции солнце. Он тянулся вдоль продольной оси от порта до самого края Дома. И конечно же, до Небес – сине-зеленого кольца за Домом. Но теперь безупречное сияние Небес казалось Джеку холодным и равнодушным. Оно больше не трогало его душу. Джек оставил богов Пантеона еще пять лет назад, отказавшись воевать за них.

Шаттл слегка изменил курс, и показалась внутренность Дока: спрессованный стусток фабрик, офисов, жилых районов и зон отдыха. Казалось, огромная полуразваленная машина истекала домами на внутреннюю поверхность цилиндра, пока не слепилось подобие города. Издали трудно было разглядеть детали. Но их дорисовала память. Джек представил улицы, где прошло его детство. Когда-то он оставил их, надеясь никогда больше не возвращаться.

«Внутренность мусорного бака», – подумал он о них и улыбнулся печально, представляя, как Андреа бранит его за цинизм.

Она помогла ему увидеть их красоту в те несколько месяцев, которые Джек и Андреа провели вместе, прячась от всех. А потом астероид ударил в Луну, и все изменилось. И в

последние годы Андреа очень помогала Джеку. Куда же она подевалась теперь? Он так сильно тосковал о ней уже несколько недель!

«Тотальности теперь бояться нечего. Мы им теперь нравимся». Фист уловил волнение хозяина, но не смог правильно истолковать – паяцам были доступны лишь самые примитивные эмоции.

«Это они зря, – вздохнул Джек. – Мы с тобой уничтожили немало искусственных разумов Тотальности».

«Ну, это было до того, как ты чуточку передумал».

Шаттл теперь пролетал мимо большой «снежинки». За окном тянулся ее холодный сияющий луч. В твердом кристаллическом льду мерцали серебряные огоньки. Каждый проблеск – мысль, пульсирующая в одном из тысячи виртуальных разумов.

«Джек, ты только представь: я могу прикончить такую. Если ты мне позволишь, конечно».

– Нет, – задумавшись, произнес он вслух.

Охранник посмотрел на Джека, затем перевел взгляд на пустое сиденье рядом с ним. Ничего не замечая, Джек снова вглядывался в Док, словно пытаясь увидеть прошлое в очертаниях его улиц.

Шаттл пришвартовался к причалу. Охранники провели Джека в камеру Таможенной службы. Там он повесил плащ на крючок на внутренней стороне двери и примостил выданный Тотальностью маленький чемоданчик рядом с единственным стулом. Новый костюм раздражал кожу.

Прошло несколько часов. В камере была вода, но не оказалось еды. Заскучавший Фист сделал вид, что уснул, и изображал храп, тревожа рассудок Джека, и без того измученный ожиданием и тоской. Его мысли снова вернулись к Андреа – почему она молчит? Куда подевалась? С ней что-то случилось? Ей нужна помощь?

Время шло, и мысли об Андреа исчезли, вытесненные насущными потребностями. Джек заколотил в дверь, требуя еду. Никакого ответа. Он попытался уснуть, и в зыбкой полудреме увидел жуткий сон – словно он падает сквозь крошечную дырку в никуда.

Вошедший охранник вспугнул кошмар и вывел еще не опомнившегося Джека из камеры. За глухим коридором оказалась маленькая, ярко освещенная комната. В углу ее – стол и два пластиковых стула. За столом сидел обрюзгший лысый чиновник. Он предложил Джеку сесть.

«Не устраивай спектакль, – посоветовал тот Фисту, проснувшегося и демонстративно позевывающего. – Я не хочу, чтобы он догадался о состоянии твоей клетки».

Таможенник говорил сухо, деловито, с демонстративной вежливостью. В его речи отчетливо слышался акцент Дока. Проверив личные данные, чиновник поинтересовался, кто из богов Пантеона покровительствует Джеку. Услышав, что Сумрак, таможенник процедил: «Само собой, яблочко от яблоньки». Но затем снова сделался вежливым и засыпал Джека вопросами.

– Когда Сумрак присвоил вам звание «бухгалтер»?

– В день, когда мне исполнился двадцать один год.

– Когда вас направили во Внуб?

– Три годами позже.

– С какой целью?

– Работать под началом инспектора Гарри Девлина в качестве эксперта-аудитора. Я участвовал в расследовании связей между ночным клубом «Царь-пантера» и убийством Бьерна Пендервилля.

– Отчего же они не воспользовались экспертом Внутренней безопасности? – фыркнул чиновник.

– Такова была воля Сумрака. Я лишь подчинился.

«А мне ты говорил не так», – заметил Фист.

«Тихо!»

– Когда вас направили на службу вне Станции?

– После атаки на Луну. Было решено, что дело Пендервилля не слишком важно. Насколько мне известно, это убийство так и не раскрыли.

«Джеки, дружок мой, не хочешь поделиться своей паранойей?»

«Нет. А теперь заткнись!»

– Ваш вид деятельности во время Войны программ?

– Длительные атакующие контркогнитивные операции.

Чиновник глядел на невидимый Джеку экран и после каждого ответа что-то быстро печатал на виртуальной клавиатуре. Вдруг он замер и вызывающе уставился на Джека.

– Когда вы дезертировали?

– Я не дезертировал, я сдался.

– В вашем деле значит дата дезертирства. Прошу подтвердить ее.

– Нет.

«Джеки, ну зачем так упираться?» – осведомился Фист.

«Не я предал богов Пантеона – это они предали меня. А я всего лишь перестал делать за них грязную работу».

– Я не могу продолжить свою работу, если вы отказываетесь сотрудничать. А если я не смогу нормально закончить опрос, то не допущу вас на Станцию.

– Странно. Как правило, ваша братия не столь придиричива. Должно быть, за вами сейчас наблюдает Санда?

«Ох, Джек, да брось ты! Хочешь вернуться на Каллисто? Жизнь военнопленных Тотальности такая скучная!»

– Форстер, вы опасный человек. И вы неподобающим образом относитесь к Пантеону. Для надлежащего исполнения обязанностей мне нет необходимости находиться под надзором богов. Итак, когда вы дезертировали?

– Я не дезертировал.

«Дьявол тебя раздери, Джек, я не хочу оказаться у черта на рогах в то время, когда мне достанется твое тело. А как насчет Андреа? Хочешь, чтобы гребаная гордыня не дала тебе отыскать ее?»

От слов Фиста Джек опомнился. Но сказать ничего не успел.

– Форстер прав! – Дверь скользнула вбок, и в комнату шагнула женщина.

Чиновник в изумлении воззрился на вошедшую. Низкорослая, широкоплечая, двигающаяся с деловитой точностью машины, она была одета в серые военного покроя штаны и черную мешковатую майку.

Лицо женщины напоминало старый помятый спальный мешок. Кожа отсвечивала синевой, волосы были выкрашены в тот же тон.

– Вашей братии и в самом деле обычно наплевать на такое. Такое впечатление, что вы просто ищете предлог не пустить Форстера на Станцию. А это незаконно.

Таможенник побледнел.

– Кто вы такая? – рявкнул он, пытаясь изобразить властность. – Где охранник?

– Охранника я отпустила. Я – наблюдатель. Взгляните сюда.

Чиновник присмотрелся, – должно быть, в паре футов от его лица появилось виртуальное удостоверение.

– О-о, – пробормотал он растерянно, – такая честь...

– Вот и отлично, – заключила женщина, очевидно наслаждаясь растерянностью таможенника. – Пожалуйста, заканчивайте опрос. И кстати: Форстер сказал правду – он и в самом деле



не дезертировал. Не то чтобы трусость была лучше предательства, но все же следует быть точным и в мелочах.

– Я не трус! – воскликнул Джек запальчиво.

«Господи боже!» – простонал Фист.

– Нет, вы всего лишь сдались врагу. Без единого выстрела. Но не будем сейчас об этом.

Ее слова хлестнули, как пощечина. Но Джек подумал об Андреа и заставил себя проглотить оскорбление. Опрос продолжился. К счастью, теперь вопросы были безобидными. Большинство из них преследовало цель выяснить, насколько хорошо Джек приспособился к жизни вне сети. Хотя ответы сомнений не вызывали, таможенник, очевидно, нервничал и все время поглядывал на женщину. Та устроилась в пластиковом кресле, закинув ногу за ногу.

«Интересно, кто она? – осведомился Фист. – Внуб? Не позволишь мне получше присмотреться?»

«Слишком рискованно».

Но чем дальше, тем дольше тянулись паузы между вопросами. В конце концов чиновник умолк, уткнувшись взглядом в виртуальную клавиатуру и лихорадочно что-то печатая. Руки его дрожали.

– Да ради бога, хватит уже тянуть резину! – сказала женщина. – Самое интересное впереди.

– Я ничего не тяну. Мне нужно все аккуратно занести в дело.

Чиновник сглотнул. Встал. Он оказался коротышкой.

– Мне нужно видеть паяца.

Когда появился Фист, таможенник отступил на шаг и чертыхнулся. Паяца окружала виртуальная клетка – набор вращающихся серебряных колец. Они то открывали, то скрывали части кукольного тела: маленькие черные ботинки, алый камербанд, черный галстук-бабочка, нескладно болтающиеся руки, кроваво-красные губы, покрытые лаком блестящие глаза.

– И чего это вы так испугались? – тоненьким голоском мелодично пропел паяц. Деревянные зубы клацали, словно барабанный аккомпанемент. – Вы же меня почти не видите, я заперт. Бедный малыш Хьюго Фист целиком закупорен.

Он глянул лукаво на Джека:

– Да, вот такая она, моя жизнь.

Чиновник не ответил. Он не решался даже взглянуть на паяца, только ходил вокруг него, проверяя кольцо за кольцом. Как и следовало ожидать, неполадок в клетке не обнаружилось.

«Эй, Джек, ты только представь, что будет, если я протяну руку и трону его. Слегка коснусь плечика. А я ведь могу. То-то он подпрыгнет!»

«Фист, тихо!»

Таможенник взял жезл – магнитно-резонансный сканер – и подошел к Джеку.

– Встать! Держать спину прямо!

Чиновник повел жезлом вдоль позвоночника, отыскивая запрятанный аппаратный блок – физическое тело Фиста. Джек ощутил легкое покалывание.

«Ой! Щекотно!» Паяц хихикнул.

Женщина шагнула к нему поближе и нагнулась, чтобы рассмотреть.

– Вот ты какой! – удивилась она. – Последний из паяцев, еще внедренных в своего кукловода.

– Ха, это ненадолго! – весело прощепетал Фист. – Пока хозяйничает он, но еще немного – и командовать парадом буду я!

– Так ты и в самом деле завладеешь его разумом и телом?

– Ага! – радостно подтвердил паяц.

– И как вы относитесь к этому? – спросила женщина, глядя холодно на Джека. – Ведь это крошечное создание сотрет ваш разум. Убьет вас.

– Да, убьет, – подтвердил Джек устало. – Я привыкал к этой мысли целый год. И привык. Внутри шевельнулась прежняя бессильная ярость, но он подавил ее. Теперь это давалось легко. Время злиться и надеяться давно прошло.

– У него выбора нет! – чирикнул Фист. – И я не могу отказаться, хоть бы и хотел. Ему осталось сказать пару раз «до свидания» – и здравствуй, новый я из мяса и костей!

– Ты хоть и мелкое, но поразительно злобное создание! – воскликнула женщина.

В ее голосе звучало невольное восхищение.

– Таким меня сотворил боженька.

– Полметра деревянной злобы, вырядившейся словно на шикарную вечеринку. Воистину, у наших владык богатое воображение. – Женщина постучала по клетке костяшками пальцев.

Та слегка затрещала. Чиновник поморщился. Пара колец замерцала, потом вернулась в прежнее состояние.

– Впрочем, ты вряд ли попадешь на вечеринки.

– Это мы еще посмотрим, мисс!

– С удовольствием посмотрю, как у тебя получится, – рассмеялась она.

Чиновник закончил проверку.

– Все в порядке, – сообщил он, опуская жезл, и посмотрел на женщину в ожидании распоряжений.

– Клетка в порядке? – спросила та.

– Целиком и полностью.

Фист мысленно захихикал.

«Тихо!» – прошипел мысленно же Джек.

– Значит, нам придется его отпустить?

– Так предписывает мирный договор.

Едва заметное движение – и женщина оказалась перед Джеком.

«Ох, круто! – выпалил Фист восхищенно. – Шустрая дамочка! А я-то подумал сперва: что за негодная старая кляча?»

Женщина коснулась щеки Джека. Ее ладонь показалась ему неестественно холодной.

– Что ж, моя миссия выполнена. Я увидела все, что хотела увидеть. Мне пора идти.

Кожа, казалось, заledenела от ее прикосновения. Ее лицо приблизилось, в глазах зажегся мягкий фиолетовый огонек.

– Я знаю: многие боятся вашего возвращения, – прошептала женщина зловеще. – Если вы оба хоть на секунду поколеблете мою уверенность в том, что вас нечего бояться, вы больше не сможете никого напугать в этом мире.

Они успели лишь заметить, как лязгнула закрывшаяся дверь. Чиновник раскрыл рот, ошеломленный сверхчеловеческим проворством незваной гостьи.

«Ой-ой, как мы любим повыпендриваться!» – прокомментировал Фист и тоже скрылся.

– Я свободен? – спросил Джек.

Чиновник вздрогнул, словно впервые заметив задержанного.

– Да, – ответил таможенник, вернулся к столу и выдвинул ящик. – Вот ваша кредитная карта. По распоряжению Внутренней безопасности на нее положена некая сумма, достаточная для вашего проживания на Станции.

– Я могу выйти в сеть?

– Никакого оверлея реальности, никакой купли-продажи, поиска, социальных сетей. Только почта и доступ к фетчам.

«Похоже, у нас небольшая проблемка с поисками Андреа, – заметил Фист, хихикнув. – Ну и отлично, нечего отвлекаться. Впереди – трогательное воссоединение семьи. Нас ждет встреча с живым папочкой и дорогой мертвой мамочкой».

– Внуб направил нам официальный запрос на беседу с вами. Комиссар Лестак пришлет сотрудника, который заберет вас завтра утром с нашего причала. Эта встреча – необходимое условие вашего освобождения. Если вы не явитесь, вас отыщут и заключат в тюрьму.

Пустынным коридором таможенник провел Джека до лифта. Они вошли, и кабина, содрогнувшись, двинулась вниз.

– Моя б воля, вышвырнул бы тебя в космос – лети в ад, к своим гребаным друзьям-террористам. – Чиновник глянул на Джека с глубоким презрением.

– Тотальность не причастна к нападению на Луну, – сказал Джек. – Она всегда утверждала, что этот теракт – дело рук террориста-одиночки. Я верю ей. Пантеон искал мести, а не правосудия.

Двери лифта раскрылись. Чиновник вытолкнул Джека наружу:

– Выметайся!

Перед ним оказался пустой холл, за ним – полуночная улица. И – навалившаяся усталость, изматывающая сильнее любого допроса. Так хочется отыскать крышу над головой, завалиться спать и не просыпаться до утра!

Джек подумал об Андреа, вздохнул и шагнул во тьму Станции.

## Глава 2

За дверью таможни он окунулся в дождливую ночь. Огни Хребта едва виднелись над головой. Подняв воротник плаща, Джек зашагал в Док по узкой улице. Ему уже приходилось здесь бывать, но без сети – никогда. Калье-Агуа была почти в точности такой, какой осталась в памяти: расщелина из потрепанных временем построек в четыре-пять этажей, металлические фасады которых были изъедены ржавчиной. Домами здесь владели Сандал и Королевство.

Королевство всегда скупился на внешнее оформление. Он, архитектор всего человеческого в Солнечной системе, любил показать физическую суть – скелет и мышцы своей мощи. Потому железо построек просвечивало и сквозь сетевой оверлей. А офисы бога логистики Сандала прятались под слоем улыбающихся лиц и ободряющих образов. Сандал распоряжался портами и грузами и любил подчеркнуть свою важность как для бесперебойного снабжения услугами и товарами, так и для человеческого счастья в целом.

И конечно, для всех подключенных к сети в небе у Хребта сияли шесть пиктограмм богов Пантеона. Пять – активные, всем видом выражающие неусыпное внимание и готовность помочь.

Шестая пиктограмма изображала ослепленного, скованного ворона Сумрака: несколько лет назад главного корпоративного стратега Станции лишили права голоса и сил.

Но Джек оставался вне сети и видел лишь унылые дома.

«Да ну, невелика потеря!» – пропел режущим фальцетом паяц, утешая хозяина.

Фист семенил в дюжине шагов впереди. Странно было видеть, как дождь падает сквозь его глянцево-тело. Паяц оглянулся. Его лакированные глазки возбужденно блестели.

«За мной!» – крикнул он, дважды хлопнул в деревянные ладоши и скрылся за железно-дорожным мостом в конце Калье-Агуа.

Радость паяца казалась почти детской. Осторожно обходя лужи, Джек двинулся следом под единственную арку моста. Над головой, стуча и покачиваясь, пронесся поезд. Его огни высветили окрестные дома, меньшие, чем на Калье, и не такие массивные. Джек свернул к рынку Хон-Се-Де и увидел стоящего на тротуаре паяца. Тот рассматривал замершую у склада фигуру, ростом и очертаниями напоминающую человека.

«Смотри-ка, Джек, бипед из Тотальности! Далеко же этот двуногий забрался!»

«Он? А как ты узнал, что это не „она“?»

«Джеки, ты педант. Интересно, чем „оно“ тут занимается?»

Капли дождя блестели на широком черном пончо бипеда. Спустя пару секунд он повернулся спиной к складу и двинулся по улице. У следующего здания робот снова остановился, задрал голову, и капюшон пончо соскользнул. Лица у бипеда не оказалось – лишь ровный мягкий овал, излучающий белесый свет. От него сырая темень вокруг казалась фиолетовой.

«Если бы не моя клетка...» Фист разглядывал бипеда, как голодный волк – овцу.

Джек перешел улицу, чтобы миновать робота. Паяц поспешил следом.

«Что-то я не пойму... „Снежинки“ снаружи, мякиши внутри, – ворчал он, с трудом переводя дыхание. – И до чего тут дошло, интересно мне. Неудивительно, что твой приятель с таможни был так недоволен».

«Фист, не зови их „мякишами“».

«А почему нет? Я же не возражаю, когда меня зовут паяцем».

Ближе к рынку унылые металлические фасады сменились разношерстными, убогими конструкциями из пластика, жести и полотна, едва выдерживающими хлещущий ливень.

«И это самый большой рынок Дока? Что за помойка!» – буркнул Фист.

«В сети он выглядит лучше».

Джек вспомнил танцующую в воздухе рекламу, зазывающую покупателей. Призрачные дата-спрайты выуживали у клиентов информацию об их предпочтениях и вкусах – и, завлекая, касались виртуальными пальцами, нашептывали соблазнительные слова, показывали гениталии, намекали на поджидающие чудеса. Все продается. Дешево! Прямо сейчас! Но за манящими обещаниями таилась убогая и грязная реальность, чью уродливую наготу было не скрыть.

Павильоны не работали, но у некоторых из них осталось включенным сетевое вещание. Закрытые лавки продолжали зазывно шептать в темноту. Подле них поодиночке и группами стояли люди, поглощенные своими видениями. Вокруг них плясала туманная дымка снов.

«Не позволяй им тебя увидеть!» – предупредил Джек.

«Я их тогда перепугаю до смерти, – хохотнул паяц. – Интересно, они то же самое видят, что и мякиш, или другое?»

«Сомневаюсь, что бипед в сети. Тотальность не слишком ее любит».

«Эй, посмотри-ка на того типа!»

Перед совсем уже нищими палатками-развалюхами стоял старик. Закинув голову, он счастливо улыбался дождю. Одна его рука свисала бессильно, другой он оживленно копошился в штанах. На месте носа на лице старика зияла дыра. Джек вздрогнул. Он уже забыл, как страшно калечит «пот» пристрастившихся к нему. На потогона никто не обращал внимания: сетевые интерфейсы нормальных людей скрывали его присутствие.

Джек ускорил шаг. Он продрог, от голода сосало под ложечкой. Мысли об Андреа мучили сильнее навязчивой вирусной рекламы. Андреа любила бродить по рынку, прицениваться, торговаться. Так хотелось провести рядом с нею хоть несколько минут! Джек старался изо всех сил, чтобы злость и обида не затопили последнюю оставшуюся радость. И что теперь? У него осталось так мало времени.

Поежившись, он плотнее запахнулся в плащ. Мимо прогудел еще один поезд, тормозя перед станцией «Хон-Се-Де».

По мере удаления от рынка улицы пустели. Джек подходил к Ране. Скверное место. Несколько сотен лет назад шальной астероид вспорол наружную оболочку Дома. Районы, чьи дома и улицы оказались над повреждениями, получили новые имена, чтобы увековечить память о трагедии. Архитекторы Королевства застроили шрам, возвели здания, с нижних этажей которых открывался вид в космос. Рана привлекала любителей звездного неба и стала популярной у докеров, работающих на краю пустоты, и космонавтов, проводящих жизнь, бороздя пустоту. Но вряд ли кто-нибудь из них наслаждается красотами среди ночи. Большинство спит, изнуренное тяжелым повседневным трудом. В кварталах Раны рано ложились и вставали.

Фист заявил, что ему скучно, и полез назад, в разум Джека.

«Найди нам отель, – приказал тот. – Тогда мы сможем заняться поисками Андреа».

«И как же?»

«Поищем в сети».

«Но я не могу выйти в поисковик. Я взломал не все блоки».

«Черт! А когда взломаешь?»

«Через неделю. Может, через две. Все эта гребаная клетка».

Они двинулись дальше. Спустя несколько минут впереди показался знак Близнецов – эмблема кафе. В неярком свете из окон капли дождя казались полосками желтого пламени. Жужжал вентилятор, гоня в ночь терпкий, аппетитный запах жареного. Джек толкнул дверь, надеясь отыскать за ней еду и помощь с интернет-поиском.

За оцинкованной стойкой сидели, сгорбившись, женщина и двое подростков. Женщина, судя по виду, космонавт дальнего плавания, доедала суп, аккуратно черпая ложкой зеленую жижу. Лицо ее скрывал низко надвинутый капюшон, тело было закутано в длинный плащ,

вместо правой руки – лишь блестящий металлом шарнир. Рука осталась на таможне. К стойке прислонен костыль. Не иначе конфисковали и ногу. Похоже, чиновники Сандаля уже работают на новый порядок. Старые лицензии на пользование техникой, выданные Пантеоном, не работают в той части Солнечной системы, которую контролирует Тотальность. Интересно, сможет женщина восстановить конечности, когда вернется домой?

«Ну, мать же их так-перетак, отбирают руки-ноги у честного трудящегося народа!» – взвился паяц.

«Законы Пантеона, – отозвался Джек. – Человек не владеет ничем. Все – только по лицензии».

Он заметил вдруг на банданах подростков аккуратно вышитые символы Сумрака. Первый парень опасливо прикрылся. Второй посмотрел оценивающе на гостя.

– Все в порядке. Он не из Внуба.

«А у твоего прежнего босса еще остались приверженцы! Впечатляющая парочка!»

– Я хочу поесть. Горячего. И побыстрее. – Джек уселся за стойку. – А еще я хочу найти отель. И друга.

– Еда в меню. Я похож на сетевой поисковик? – буркнул бармен.

– Я не в сети, – пояснил Джек и поймал на себе удивленный взгляд. – Я только что прибыл на Станцию. Сандаль выдал санкцию на допуск.

– Отель через пару кварталов отсюда. Свернешь налево, потом направо. Но если ты не в сети, не сможешь заплатить за комнату. И за еду тоже. Да и вкуса ее не почувствуешь.

– У меня есть деньги, – возразил Джек, доставая из кармана карточку.

– Это Внуб. Парни не ошиблись. Ты из полиции.

Подростки сдавленно чертыхнулись.

– Уже нет, – сообщил Джек.

– Вышел условно? – спросил парень.

– Это дерьмо похлеще, чем вы со своим богом-предателем, – буркнул бармен.

– Полегче, – посоветовал парень. – Они не доказали ничего.

– Королевство считает, что Сумрак сознательно помогал террористам. Заря об этом сообщила всем. По мне, так ничего больше и доказывать не надо, – сказал бармен и добавил, обращаясь к Джеку: – А ты катись отсюда. Я не знаю, что ты учинил. Но если за это выкинули из сети, тебе здесь не место.

– Видимо, скиннер-взломщик, – прошептал другу парень. – Сейчас за них круто взялись.

– Подонок, – бросил бармен в спину уходящему Джеку.

«Ему колом в горле встанет каждый заработанный шиллинг! – Фист взвизгнул пронзительно и злобно, будто свистнул плеткой в голове. – Я пошлю фото, на которых он трахает шестилетку, всем, кого этот козел встречал в жизни. К завтрашней ночи его выкинут из его гребаной жизни побираться на улицах».

«Нет, ты не пошлешь, – возразил Джек. – Ты вспомнишь, что случится, если тебя поймут, и послушно сделаешь, что я скажу».

«И это, конечно же, будет лучше для нас обоих. Как всегда. Правда, Джеки?»

«Заткнись, мать твою!»



## Глава 3

Отель отыскался легко. Его поврежденная вывеска искрила от каждой капли дождя.

«Прямо таки аутентичное ретро, – хихикнул Фист. – Андреа любила такое, правда? Жаль, что ты никогда не затащишь ее сюда. Могло бы получиться такое чудесное любовное гнездышко!»

«Не спеши с „никогда“».

«Помнишь все эти разглагольствования психотерапевтов, когда выяснилось, что я заберу тебя? Что они там определили как самое худшее? Кажется, оно называлось „неспособность смириться с неизбежным“».

Дверь не хотела открываться. Форстер наподдал плечом, и она широко распахнулась. Громко звякнул звонок. В зале царил полумрак. Стойка была отделана дешевым пластиком под дерево. Портье, сидевший за ней, сперва показался Джеку молодым, но, подойдя ближе, он рассмотрел покрывающие лицо служащего морщины. Но поздоровался тот по-мальчишески бойко.

– Приветик! Ох, господи, да мы промокли совсем! А вот подыщем-ка мы быстренько отличную комнатку!

Он встал, слегка покачнувшись. В воздухе остро запахло чем-то травяным. Джек узнал аромат местного джина. Да, семь лет без алкоголя не проходят даром. Забываешь, как от него заплетается язык, дрожат руки.

«И тебе не помешало бы прихватить бутылочку и отпраздновать возвращение домой».

«Фист, мне дешевое бегство от реальности не нужно. В особенности настолько дешевое. Мы здесь, чтобы найти Андреа».

– Односпальный номер? – спросил клерк, не подозревающий о том, что творится в голове у гостя. – Сколько пробудете?

– Пару недель.

Фист рассмеялся – будто разбилось в темноте стекло. Клерк махнул рукой, подтверждая заказ.

– Нужен депозит. Просто подключитесь к нашему серверу.

– Я заплачу вот этим. – Джек шлепнул на стойку карточку Внутренней безопасности. – Можно?

– Ну, оно не то чтобы хорошо. – Клерк переводил взгляд с карточки на гостя и обратно. – Однако ночь такая жуткая. Я уверен, вы ничего слишком плохого не сделали. Думаю, я могу вам доверять, правда? Вы ведь не подведете меня?

Где-то вдали зажужжала сигнализация. Клерк растерянно замолчал, махнул неуклюже рукой и тяжело шлепнулся на стул. Потом потянулся за стаканом и с трудом ухватил его, едва не расплескав прозрачную жидкость.

– Близнецы разрешили бы мне, – пробормотал он скорее себе, чем Джеку.

«Старый пьянчуга, – скривился Фист. – Если бы он не набрался так, не видать нам комнаты».

– Знаете, еще чуточку – и у вас будет вид на звезды. Вы ж не свои денежки тратите, а? – заметил клерк.

Джек кивнул.

– Ну все, и порешили на том. – Пьяно хихикнув, клерк махнул решительно рукой, чуть не свалившись со стула. – Я носильщика позову, пусть проводит вас в комнату. Кстати, я – Чарльз.

– Еще кое-что: не могли бы вы отыскать мою подругу? Она певица. Наверняка ее представления есть в списке местных развлечений.

– А вы не можете просто написать ей?

– Хочу сделать сюрприз.

– А-а, – протянул задумчиво Чарльз, почесывая нос и морщась. – Понятно.

Однако он не смог отыскать никаких следов Андреа.

– Что-то совсем нету ничего, – выговорил он виновато.

Фист хихикнул.

– А вот и наш носильщик!

В зал опасливо ступил старикашка донельзя затрепанного вида – сгорбленный, с лицом изрытым и морщинистым, как полностью выработанный шахтерами астероид. Чемодан Джека старикашка не взял. Когда оба они уже вышли из зала через грубо вырубленную в железной стене дыру, Чарльз крикнул вдогонку: «Сладких снов!» И добавил: «Эй, мистер Форстер не в сети». Старикашка изумленно охнул.

«Вот балда! – пробормотал Фист. – Держу пари, он ее имя напечатал неправильно. Или прошляпил, читая список».

Они шли длинным коридором. Дорожка на полу, когда-то бывшая красной, пахла плесенью, свисавшие с потолка люстры не горели. Вычурная кабина лифта походила на клетку. Ее стены украшали сломанные электронные платы. Джек различил вытертый символ Близнецов. Они отвечали за здравоохранение – от лекарств до еды – и все операции с недвижимостью. Но, надо полагать, сюда они не заглядывали уже очень давно.

– Не работает, – буркнул носильщик. – Туда!

И указал на дверь с надписью «С УЖЕБ Я». Следом за старикашкой Джек спустился на несколько пролетов. Даже в Ране комната с видом на космос означала погружение глубоко в недра Станции. Под ногами звякали ступени. Посреди лестничной клетки с шипением брызгала вода, обдавая идущих.

– За что они тебя выкинули из сети? – поинтересовался старикашка. – Мне можешь рассказать, я не выдам.

Форстер промолчал.

– Да ладно тебе, я не стучу. Я из ребят Королевства, у нас рты на замке. Дык за что?

Вскоре они подошли к двери комнаты Джека. На ней тоже красовался символ Близнецов. Из-под облезшей позолоты просвечивал дешевый синий пластик. Носильщик толкнул дверь. Через мгновение процедура распознавания сработала и дверь распахнулась.

Серые стены без окон. Несколько ниш с матовыми светильниками. Большинство не работает, лампочки выкручены. У одной стены – приземистая двуспальная кровать, у другой – стол. Рядом – шкафчик без дверок, возле него висит универсальный алтарь, готовый соединить любого гостя с его божеством.

«Что ж, по крайней мере, здесь просторно», – подумал Джек, ставя чемоданчик на пол.

– Вон мини-бар, душевая. Коснись рукой здесь. – Старик указал на белый квадрат на стене у двери.

Джек прижал к нему подушечки пальцев. Зажглись огоньки.

– Все, дверь настроена на тебя.

– Тут еду подают в комнату?

Портье рассмеялся.

– А открыть окно?

– Плати, и откроется.

– Чарли об этом не говорил.

– Он наклюкался вусмерть. Заплати по сети, и все тебе будет.

– Не могу.

– А-а, я забыл.

Уходя по коридору, старикашка хихикал под нос.

«Я б позволил тебе испортить его жизнь, но она уже испорчена», – подумал Джек.

«Ну, я бы мог опустить его еще ниже», – отозвался паяц.

«Можешь взломать комнату?»

«Джек, это вшивая комнатенка в свинарнике. Если б я был свободен, то взломал бы все берлоги на полкилометра отсюда, даже не вспотев».

«Фист!»

«Да, могу взломать. Система локальная. Нет нужды идти в сеть, рисковать тем, что срабатывает сигнализация на клетке. Минута-другая – и здешний сервер – мой».

«А быстрее?»

«Проблема в клетке. В ней будто бредешь по глубокой грязи. Зато у тебя есть время развесить рубашки и вынуть зубную щетку».

«Ломай», – приказал Джек.

Фист явился, мерцая, и принялся за работу. А его хозяин вспомнил паяца свободным и убийственным: крохотная черная тень среди мрака, сокрушающая, хохоча, искусственный разум во мгле за Юпитером. Теперь Фист в кандалах.

Паяц вышел на середину комнаты и опустился на колени.

– Нужно дотянуться, – пояснил он, прижимая ладони к полу.

Дрожь пробежала по его телу – на взлом клетки тратилось много энергии. «Опаньки!» – довольно пробормотал Фист. Его хищные пальцы погрузились в потертый ковер – визуальная метафора напряженной и запутанной битвы между вторгающимися и защитными программами.

Другие паяцы всегда поглядывали на Фиста свысока – еще бы, ведь он был взращен на разуме бухгалтера, а не военного. Ущербное дитя, родившееся в мозгу никчемного штафирки! Хозяева паяцев так же презирали Джека. Отчасти они были правы: Форстер не стал профессиональным солдатом и скверно приспособился к военной жизни. Но он всегда питал глубочайшее уважение к той легкости, с какой Фист проникал в сложнейшие информационные структуры и покорял их.

Уважение это зиждилось во многом на понимании Джеком своей ограниченности. Он мог разбираться в коммерческих системах и даже, в определенной мере, взламывать их. Форстер любил возиться с числами, отслеживать потоки данных, прочитывая в их следах состояние компании. Но по большому счету у него отсутствовала та элегантная хищная хватка, какая составляла натуру паяца. В который уже раз Джек задумался над тем, как ощущает себя существо, находящееся на столь короткой ноге с абстрактным.

– Окно готово! – выдохнул Фист.

Слабая виртуальная рябь прокатилась от него по ковру и затихла, не добравшись до ног Джека. Заскрежетал скрытый механизм, и виртуальное движение стало реальным. Раздвинулась диафрагма. Вдруг оказалось: Фист стоит на коленях посреди расширяющегося звездного круга. Тьма расплескалась по всей комнате. Паяц встал – маленький принц, парящий над своим утерянным королевством.

– Так-то лучше. – В голосе его слышалось счастье.

Для обоих разверзнувшееся под ногами звездное небо было словно возвращением домой, в яростную пустоту войны. Форстер шагнул к темноте, посмотрел вниз, стоя на самом краю, где потрепанный ковер сменялся черной бездной. И на мгновение показалось: вокруг не стены дешевого отеля Раны, а безбрежный простор между солнцами. Среди них не было заброшенной, изуродованной Земли. И «снежинок» тоже. Под ногами лишь крошечные жесткие огни, едва различимые за бесчисленными парсеками Вселенной.

– Я всегда мечтал вернуться домой, – произнес Джек задумчиво. – Но когда мы прибыли на Станцию, то не увидели неба. А без звезд тяжело. Тоскливо видеть над головой только Хребет и Дом вокруг него.

Фист не обратил внимания на его слова. Паяц обходил комнату, касаясь пальцами стен, исследуя виртуальную структуру комнаты.

– Я попробую полный оверлей, – сообщил он.

– Это безопасно? – Джек с трудом оторвался от созерцания звезд.

– Ох, господи, ты что, совсем мне не веришь? – вздохнул Фист. – Я весь уже на отельном сервере и замаскирую с его помощью твой выход в личное пространство. Пока мы не пойдем дальше в сеть, все будет выглядеть так, будто ты глядишь в экран и печатаешь на клавиатуре.

Система оверлея комнаты наложилась на разум Джека – и стены с потолком пошли волнами, растворились. Он оказался в заброшенном саду, на берегу залитого тьмой пруда. Над головой висела полная луна, заливая все вокруг неярким светом, милосердно скрывающим гниль и запустение зачахших клумб, заросших дорожек и сломанных арок. Вдалеке виднелся небольшой холм. На его вершине сиял, словно серебряная пуговка, маленький храм безукоризненно классического стиля. Рядом стояло что-то похожее на статую.

Заброшенность придавала саду особую хрупкую прелесть. Джек вздохнул, вспомнив, как выглядел его сад в пору ежедневного ухода за ним. Вспомнил и прощальную вечеринку. Немногие пришедшие друзья и коллеги делали вид, что гордятся хозяином. Ведь он собрался воевать с Тотальностью, мстить за погибших на Луне детей. Но чем пьянее делались гости, тем явственнее в их словах сквозило облегчение. Чувствовалось, как они были рады, что божественные патроны не благословили их на войну!

Фист вышел из-за арки на другом берегу пруда. Деревянные ноги паяца клацали по брусчатке, будто копыта. За аркой хранилась личная библиотека Джека. Наверняка сдача в плен нарушила условия лицензии на пользование записями. Библиотека опустела, все, что Джек прочитал, просмотрел, прослушал за свою жизнь, – исчезло.

Раскрашенные губы Фиста искривились в жутковатую улыбку.

– Джек, ты не шевелись пока! Я еще не переключил тебя на виртуальное движение. Не то чтобы мне не доставляло удовольствия видеть, как ты бьешься о стены, – но ведь надо защищать будущую собственность!

Он закрыл на мгновение глаза. Джек представил, как паяц мог бы сосредоточенно нахмуриться. Конечно, лицо куклы было слишком малоподвижным для изображения таких эмоций. Интересно, как паяц справится с настоящим человеческим лицом, когда придет время завладеть телом? Джек ощутил удовлетворение от того, что может спокойно слушать глумление Фиста и равнодушно думать о своей смерти. Андреа объяснила Джеку, насколько паяц бессилен что-либо изменить. Потому Форстер теперь считал свое состояние особенной смертельной болезнью, которая закончит его жизнь быстрым, эффективным и абсолютно безличным образом. Конечно, и с болезнью смириться нелегко, но почти всегда мысли о ней помогали Джеку успокоиться.

Окружающий его пейзаж замерцал и тут же стабилизировался.

– Готово! – прошептал радостно Фист. – Интерфейс с эффекторными нейронами пропатчен. Мода «Лунатик» теперь активируется автоматически. Двигайся как хочешь – все только в твоём воображении.

Джек шагнул осторожно раз, другой. Сеть теперь проникла глубоко в мозг, делая иллюзию движения неотличимой от реальности. Этого Джек не чувствовал уже семь лет. А ведь когда-то он так существовал. Потребовалось долгое время, чтобы приучить себя обходиться без виртуального мира, без всего, что он давал разуму и телу. Воспоминание об оставленной позади виртуальной жизни помогло справиться со страхом грядущей потери жизни реальной. Радость возвращения к прежнему и нескольких счастливых недель с Андреа – вот и все, что сулит будущее.

– Ну, раз мы здесь, давайте-ка пообщаемся малость! – объявил Фист как ни в чем не бывало, вскакивая на грубо вытесанный блок мягкого белого известняка, стоявший в центре сада. – Это же все твоего родителя, правильно?

– Да.

– Эй, капитан, полундра, – выговорил напыщенно паяц, старательно подражая чьему-то архаичному выговору, не распознанному Джеком. – Нас посадили на мель. Хочешь, я взломаю защиту? То-то мы удивим твоего папочку!

– Я сделаю это сам. – Джек провел ладонью по шершавому холодному камню.

Грубая поверхность казалась такой настоящей. Джек вспомнил, как в детстве тер ладошкой отцовскую щетину, удивленный ее колючестью. Он вздохнул:

– Давай отыщем Андреа.

– И она заблокировала тебя.

– Она не могла.

– Посмотрим.

Ее аватар находился в нескольких минутах ходьбы, в конце огражденной валунами тропы. Они когда-то были образами многочисленных друзей. Но после ухода на войну из-за расстояний стало трудно поддерживать контакт даже с теми, кто еще не покинул Джека. И все они заблокировали его после сдачи в плен. На секунду Джек пожалел о прошлом.

Он подошел к аватару Андреа и застыл, глядя на точную копию живой женщины. И вспомнил, как в последний раз видел ее наяву, поющей в ночном клубе у площади Канжи. Джек вспомнил и ее последнее прикосновение. Она смахнула слезу с его щеки.

Андреа тоже хлебнула горя. Годы оставили след на ее лице. Жизнь с Гарри Девлином не была простой. Но Андреа все-таки любила его и вернулась к нему, после того как ведомый психопатом астероид врезался в Луну. Внезапно ей показалось очень важным сохранить прежнее. За неделю до ухода Джека на войну Андреа сказала, что собирается начать жизнь заново с мужем. Все закончилось так странно и нелепо. Как же она перенесла его смерть? На вопросы о Гарри Андреа всегда отвечала уклончиво. Джек подумал тогда, что даже спустя пять лет ее боль потери не утихла.

Все же Андреа рассказала в общих чертах о произошедшем. Гарри застрелили в тихом переулке Канжи. Девлин всегда старался держать побольше информаторов, и, похоже, один из них предал и прикончил шефа. Убийцу так и не нашли. Джеку вспомнился Пьер Ахматов и его ночной клуб «Царь-пантера». Не иначе инспектор Девлин перевернул пару-тройку камней, под которыми копошились очень опасные твари. Гарри всегда казался бессмертным: таким живым, проворным, плотью от плоти улицы и людей Дока. Трудно представить его фетчем – призраком, порожденным скудными следами, оставленными настоящей жизнью в сети. Вряд ли посмертный электронный слепок способен хоть как-то утешить Андреа.

Глаза ее аватара были закрыты. Невольно Джек взял ее за руку, вызывая на связь. Он представил, как перед ней вспыхивает его образ, а она раздумывает, ответить или нет. На мгновение он позволил себе надеяться на лучшее.

– Джек, честно говоря, я не понимаю, зачем так мучиться? – хмыкнул Фист.

Рука Андреа осталась холодной и мертвой. Джек снова стиснул ее, затем разжал пальцы – и она упала бессильно. Лицо Андреа оставалось в тени. Джек поцеловал кончик пальца и коснулся щеки любимой. По телу пробежала холодная дрожь. Может, Андреа с другим? Но ведь бывшие любовники не скрывали друг от друга ничего. Она бы рассказала. Джек представил, как она думает о его возвращении. Еще один мужчина, который любит ее – и умрет. Может, потому она и порвала с ним так неожиданно и бесповоротно? Но ведь она спокойно приняла неизбежность его смерти. Хватит думать о плохом! Попросту что-то не так. Нужно отыскать ее.

– Мы поговорим завтра с Внубом, а потом займемся розысками, – сказал Джек.

– Скука-то какая! – отозвался Фист. – Как насчет храма? Там есть кое-кто, очень желающий повидать тебя. Можно рассказать ему, как нас впечатлили его несовершеннолетние поклонники.

– Нет! К Сумраку мы не пойдем! – выпалил Джек, удивляясь собственной злости. – Никогда!

– Хозяин барин, – пожал плечами паяц.

– Верни нас в отель.

Паяц хлопнул твердыми ладошками. Сад исчез, и Форстер снова оказался в жалкой комнатушке, измученный голодом и забывший о звездах под ногами.

## Глава 4

Стоя на крыше таможни, Джек глядел на огромную круглую скалу Бородавки. По сторонам вздымались дугой загроможденные постройками стены Дока, смыкаясь далеко в вышине, за Хребтом. Многие дома были либо не достроены, либо уже разрушены. Бросались в глаза черные выжженные пятна, иные всего в несколько квадратных метров, другие растягивались на всю улицу, а то и больше.

Джек посмотрел вверх, пытаясь различить лампы Хребта, но сияние слепило глаза, и пришлось отвернуться, моргая. Где-то там ждет Андреа. Джек вспомнил, что она рассказывала про Королевство. «Он построил Станцию, – заметила она однажды. – Как ни тяжело мне признавать это, но он сделал чертовски впечатляющую работу».

Но сейчас, стоя посреди результатов этой «впечатляющей работы», Джек ощущал себя в ловушке.

«Что, вспоминаешь богов? Я б сейчас в охотку взялся за них», – прервал Фист меланхолическую задумчивость хозяина.

«И я бы тебя не стал останавливать».

«Какая перемена настроения, надо же!»

Раздался шум винтов. Черный флаер Внуба аккуратно зашел на посадку, опустился тяжело на шасси, заглушил двигатели. Потом качнулся – внутри что-то переместилось. Открылась дверь, и показалась пилот.

– Я лейтенант Корасон, помощник комиссара Лестак, – представилась она, выбираясь наружу.

Женщина была чуть ниже Джека ростом, в темной униформе без знаков различия, с выбритой головой, плотно усеянной вытатуированными символами сети. Серебряный знак Зари сверкал на темени.

– Я должна надеть на вас наручники. Простите, но таковы наши правила.

Затем лейтенант помогла Джеку подняться на флаер. Потянувшись за ремнем безопасности, она навалилась на Джека, и пока она возилась с пряжкой, он смущенно молчал.

– Э-э, а Док в скверном состоянии, – стараясь побороть неловкость, заметил пристегнутый наконец Форстер. – Странно, что никто не отстроил выжженные места.

– Это места запустения. Здесь взорвались бомбы террористов. Боги оставили пустыри, чтобы мы не забывали, за что сражаемся. – Лейтенант уселась в пилотское кресло.

– Террористов поймали?

– Да. Сразу же после того, как свергли Сумрака. Как наивно с его стороны было считать этих людей мирными протестующими. – Корасон проверила готовность к полету. – Взлетаем. И прошу, чтобы никаких помех от этого вашего создания!

«Ах, какая суровая! – мечтательно прошептал Фист. – Как бы я хотел ощутить на себе ее твердую командирскую руку!»

Флаер взмыл вверх, заложил вираж и двинулся вдоль Дома под самым Хребтом. Корасон на мгновение прикрыла глаза и коснулась серебряного знака на темени.

«Чего это она?» – осведомился Фист.

«Мы летим вдоль пиктограмм Пантеона. Она молится покровительнице».

«Хозяин, только не говори мне, что и ты так же лизал им задницы».

Лейтенант закончила краткую медитацию, и флаер понесся вперед. Корасон была умелым и сноровистым пилотом.

– Будем на месте где-то через минут двадцать, – проинформировала она.

– Не сомневаюсь.

– Вы долго отсутствовали. Жаль, что возвращаться приходится вот так.

– Ничего страшного.

Они пролетели сквозь район, отведенный под склад контейнеров. Несколько сотен их висело на стенах каньона. Сверху и снизу сновали флаеры с пассажирами. Без сетевого оверлея машины были похожими как две капли воды и одинаково потрепанными. Истертые балки рамы из карбонового волокна просвечивали сквозь обшивку, будто выцветшие кости сквозь кожу.

– Вы находитесь под покровительством Зари? – нарушил молчание Джек.

– Да, благодаря посредничеству моего отца.

«Эй, хозяин, ты видишь того, кто не подвел добрых родителей!» – хихикнул Фист.

Джек невольно поморщился.

– Что, наручники жмут? – Лейтенант заметила его гримасу.

– Нет, все нормально. – Джек поерзал на сиденье. – Необычно видеть приверженцев Зари во Внубе.

– Заря призвала меня. Я повиновалась.

– А кем вы намеревались стать?

– Журналистом.

Джек не стал нарушать воцарившуюся тишину.

– Работать на Внуб оказалось приятнее, чем я ожидала, – спустя некоторое время отозвалась наконец лейтенант.

– Не сомневаюсь, – кивнул Форстер. – Я знал Лестак несколько лет тому. Вы так молоды – и уже работаете с таким асом.

– Академию я закончила второй в своем выпуске.

– Значит, Заря выбрала для вас правильный путь.

– Как и Сумрак для вас.

Джек хмыкнул.

– Когда-то он был хорошим покровителем, – сухо заметила Корасон. – И он, несомненно, возвысил вас. Вы сделали карьеру так же быстро, как и я.

– А потом он изгнал меня и пал сам. Лейтенант, наш Пантеон отнюдь не всеблагой. Если понадобится, боги сотрут вас в порошок.

Лицо Корасон окаменело.

– Сумрак наказан. Для остальных богов главное – люди, – выговорила она холодно и после секундной заминки добавила: – В данный момент я нахожусь при исполнении. Прошу обращаться ко мне по званию.

– Когда-то мне тоже довелось служить во Внубе. Лейтенант Корасон, быть может, и вам следует обращаться ко мне по званию?

– Как пожелаете, условно освобожденный Форстер.

«Джек, туше! – хихикнул Фист. – Нет, она мне положительно нравится!»

Столь глубокое почтение Корасон к богам, скорее всего, коренилось в чувстве благодарности. Джек вспомнил свое отношение к Сумраку. Бог буквально проталкивал его наверх, был учителем и другом, помогал разобраться в рабочих вопросах и справиться с проблемами стремительно развивающейся карьеры. А Джек не понимал, что пристальное и очень личное внимание Сумрака было исключительной привилегией, а не правом, пока ссылка на Войну программ не показала, как стремительно и бесповоротно боги теряют интерес к своим творениям.

Внезапно стало темно. Флаер влетел в пещеру Бородавки.

– Так боги еще не благословили это место лампами? – осведомился Форстер.

– Королевство посчитал, что освещение здесь нерентабельно, – сухо и равнодушно ответила Корасон. – Реакторам свет не требуется. Никто и никогда не посещает руины. А индустриальные зоны имеют свое локальное освещение.

Когда глаза Джека привыкли к темноте, он убедился, что лейтенант права. Нижний уровень Бородавки испещряли неяркие огни – множество их плыло в пространстве вокруг флаера.



Выхлопы моторов светились огненно-оранжевым либо снежно-белым, уличные фонари вырезали из темноты равноудаленные друг от друга треугольники света, то тянущиеся цепочкой, то собирающиеся в сгустки. В сумраке виднелись контуры кварталов, прочерченные тонким пунктиром светящихся окон. Сощурившись, Джек представил, что может различить за окнами человеческие силуэты. Он вздохнул. Если бы Фист был свободен, то смог бы войти в сеть каждого дома, забраться в любую комнату и вывести все о ее обитателях. Тогда поиск Андреа стал бы намного проще.

На приборной доске флаера замигала лампа, в такт ей запищал зуммер.

– Черт, опаздываем, – пробормотала Корасон, прибавляя скорость.

Флаер рванул вперед, Джека вдавило в кресло. Впереди показался вход в Дом – крошечный белый кружок. Он стремительно расширялся, белизна хлынула сквозь стекло, лейтенант заложила крутой вираж – и вдруг флаер оказался снаружи, под бескрайними небесами Дома.

Впереди тонкий серебряный стержень Хребта тянулся к Солнечной стене – огромным матовым линзам, натянутым на край Дома, будто кожа на барабан. Оттуда лился мягкий золотистый свет. Его теплое сияние пронизывало воздух и делало каждый день Дома таким идеальным. Благословенный Солнцем мир разделяли надвое изгибы медленно катящей свои воды реки Меше. К ее берегам лепились жилые и деловые кварталы, магазины, парки развлечений и научные центры. Из центра Дома тянулись ввысь, к Хребту, башни-спицы. Они пронзали оболочку Дома, выходя в космос. Их внешние уровни сливались с башнями, поддерживающими зелено-золотое кольцо Небес. Для каждого бога – своя башня, где располагались штаб-квартиры контролируемых им компаний и самых важных их филиалов. Днем башни полны напряженно работающими людьми, старающимися претворить в жизнь постоянно поступающие сверху указания. Все выбиваются из сил как минимум шесть дней в неделю, восемь часов в день. А многие – и дольше. Боги многого требовали от непосредственных подчиненных – но и вознаграждали соответственно.

– Черт возьми, пропустили нашу посадочную площадку! – выпалила в сердцах Корасон, от расстройства позабыв об официальном тоне.

Она заложила левый вираж, открыв им великолепный вид на когда-то отлично знакомый Джеку квартал. Внизу сиял огня ми торговый центр «Чуйгушоу». А сбоку то появлялся, то исчезал из поля зрения квартал Вайэлин-Гарденс. Его красные кирпичные стены были данью стилю, который на Земле был в моде три века назад.

«Ничего особенного, этакий захолустный пригород в космосе, – съязвил Фист. – Стероидные залы на Титане и то получше смотрятся».

– Джек, как оно – видеть любимые места? – осведомилась Корасон.

Форстера удивило внезапное дружелюбие в ее голосе. Но в конце концов, умение прощать всегда было важным для Зари и ее приверженцев. А иначе как выносили бы свою скандальную причудливую жизнь знаменитости? Бывшие неделю назад изгоями вдруг становятся кумирами. Привычка знаменитого певца отравлять жизнь партнеру забывается после нового хита. Погрязший в наркотическом тумане актер вдруг играет звездную роль – и в одночасье становится образцовым супругом и родителем. Конечно, у таких разительных перемен была и обратная сторона. Заря почти сразу же сокрушала своих героев. Непостоянство было единственным постоянным в ней.

Джек смог разглядеть внизу улицы Чуйгушоу-Вэйл. Они выглядели словно огромные листья на просвет: каждая черта – выстроившиеся в ряд дома, между ними – элитные магазины и центры развлечений. Но и там видны были следы войны. Среди мерцающего гламура темнели шрамы пепелищ.

– Память войны? – предположил Джек.

– О да, Дом не избежал атаки террористов.

Джек ощутил странное облегчение от того, что в ее голос вернулась прежняя холодность: она казалась гораздо честнее внезапного дружелюбия.

– А как эти руины выглядят в сети? – спросил он.

– Мы видим лица мертвых детей.

Флаер миновал скопление небольших офисных зданий. Свет Солнечной стены золотил их гладкие отражающие фасады, превратив квартал в лабиринт усаженных драгоценностями пальцев. За ним простирался пейзаж богатого пригорода: деловые кварталы, где располагались начинающие фирмы, небольшие торговые центры, особняки богачей. На мгновение воспоминания о прошлой жизни захлестнули душу. Все вернулось с такой яркостью и силой, какие недоступны для сети.

– Освободилось посадочное место, – сообщила лейтенант.

Флаер нырнул, дернулся и понесся к внушительной башне у самого входа в Бородавку. Чтобы узнать здания, Джеку не потребовалась сеть.

Внуб.

Флаер несся к срединным посадочным площадкам на тридцать третьем этаже.

– Через несколько минут вы встретитесь с комиссаром Лестак, – буркнула Корасон. – Попробуйте и ее убедить в том, что все боги – негодяи, а Пантеон следует ненавидеть.

## Глава 5

– Целых семь лет, – покачала головой комиссар Лестак. – И пять из них вы были трусом.  
– Не надо читать мне мораль. Скажите, что вам нужно от меня, и отпустите. Мне еще надо кое-кого повидать.

– Отпустить? Да уж, придется. Ваши остервеневшие от злобы друзья выбора нам не оставили – амнистия для всех военных преступников.

– Я не преступник. А Тотальность – не остервенелая и не злая. Совсем.

Лестак вздохнула и отвернулась.

В отличие от Корасон комиссар сохранила волосы. Она стригла их коротко и просто – как и семь лет назад. Только тогда в них не было седины. На сережках Лестак висели сетевые символы. Она сняла очки, осторожно помассировала лоб. А Джек внезапно будто перенесся в прошлое. Точно в таком же настроении она была, то же самое делала, когда пыталась у Гарри с Джеком, почему так медленно продвигается расследование убийства Пендервилля. Сейчас комиссар, как и тогда, положит на стол очки и кинется в атаку.

Он не ошибся.

– Джек, конечно же, вы знаете Тотальность лучше, чем мы. Вы ведь столько времени прожили с ними. То, что вы сделали, – постыдно. Бежать с поля боя после смерти стольких детей на Луне, после нападения террористов и бомбовых атак! Понятно, что вы были недовольны решением Сумрака. Но я никогда не считала вас трусом!

Джека захлестнула злость. И подавить ее удалось не сразу. А пока он боролся с ней, комиссар склонила голову, словно прислушиваясь к чему-то, доступному лишь ей. Он посмотрел на Корасон. Та уставилась в точку чуть левее Лестак. На лице лейтенанта было написано крайнее изумление, сменившееся жалостью. Усилием воли Корасон подавила эмоции, изобразив положенное по службе равнодушие. Правда, губы – стиснутые, бескровные – выдавали происходящее в ее душе.

«Говорят с фетчем, – сообщил Фист. – Вот только не пойму, чего так нервничают».

«Если фетч не дома, вместо его лица сеть показывает череп», – пояснил Джек.

«Ну, тогда понятно, отчего Корасон так распереживалась», – хмыкнул паяц.

«А ты можешь видеть?»

«Нет. Мне разрешения не дали».

«Тебе повезло».

«Да пошли вы с вашими человеческими приколами!» – надулся паяц.

Лестак протянула руки, охватив ласковым жестом пустоту. Форстер не сразу понял, что комиссар обнимает кого-то, видимого только ей.

– Ну, Исси, не нужно так переживать! С мамочкой все в порядке. – Голос комиссара был полон отчаянной, безнадежной любви. – Но нам просто не нужна пока твоя помощь. Ты можешь просто побыть с нами, поиграть.

В комнате снова воцарилось молчание. Корасон и Лестак напряженно уставились в пустоту. Лейтенант по-прежнему делала равнодушный вид.

«Меня сканируют, – скривился Фист. – И мощно. Вот же пронырливая мелочь!»

– Нет, Исси, тебе нельзя забрать клоуна с собой, – мягко сказала Лестак и добавила: – Нет, он совсем не как ты!

Опять тишина. Затем комиссар поцеловала пустоту и произнесла: «Прощай!»

Корасон чуть расслабилась, поерзала в кресле. Джек ожидал, пока Лестак придет в себя и заговорит. И приготовился к новым обвинениям. В плену у Тотальности он не мог спокойно думать о друзьях и коллегах. Не мог не представлять такие вот разговоры с каждым, неизбежные раньше или позже.

В рассудок вплыл спокойный лукавый голос: «Джек, со мной тебе все-таки было лучше». Лестак мгновенно заметила внезапную отстраненность Форстера.

– Роза-богиня, да вы что, разговариваете с ним, как с человеком?! – изумилась комиссар. – Ну, со штукой внутри вас?

– Мы все говорим с мертвыми, – пожал плечами Джек. – Это не хуже и не лучше моих бесед с паяцем.

Теперь настала ее очередь запнуться, обуздывая гнев.

– Да как вы смеете сравнивать?! Исси была живой! Она – личность. А ваш шут – ничто! – Комиссар сдерживалась из последних сил. – Исси всегда любила меня. А ваша тварь несет лишь смерть. Паяц – кусок Тотальности внутри вас. Неудивительно, что вы с такой легкостью переметнулись к ним. Слава богам за то, что они уничтожили всех остальных!

«Сука! – прорычал Фист. – Это я кусок Тотальности?! Знала бы она, скольких из них я разметелил в пух и прах!»

– Я здесь не по своей воле, комиссар Лестак, – напомнил Джек. – Вы что-то собирались спросить? Или меня привезли только затем, чтобы вы наорали на меня?

«На нас! – прошипел Фист. – Не только на тебя».

– Хорошо, давайте покончим с этим, – вздохнула Лестак и устало взмахнула тонкой, бледной рукой.

Джек представил, как перед комиссаром всплывают виртуальные документы.

– Корасон, посмотрите-ка. – Комиссар замерла, сосредоточившись. – Хочу знать ваше мнение.

Потом начался допрос. Лестак атаковала Джека с пугающей, едва сдерживаемой яростью. Она мимоходом коснулась его жизни на Станции – лишь подтвердила его причастность к расследованию дела Пендервилля и уточнила, сколько времени осталось до перехода тела под власть паяца. Покончив с малоинтересным, Лестак взялась за участие Джека в Войне программ. И пока она вытягивала из него ответы, его память захлестнуло прошлое, которое он отчаянно хотел оставить позади.

На окраинах системы Солнце было всего лишь одной из множества холодных далеких звезд. Упакованные в холодный металл майнд-истребителя, Джек с Фистом дрейфовали к спутникам, астероидам, газовым облакам и кометам в поисках беглых искусственных разумов, ускользнувших из-под контроля Пантеона, но еще не прибывших к Тотальности. Некоторые из них хотели спрятаться и размножиться. Другие – лишь провести спокойно остаток дней. Беглецов считали легкой добычей и потому за ними обычно отправляли Джека с Фистом. Требовались недели, чтобы выследить каждого, потом дни – чтобы приблизиться, глуша одну за другой системы оповещения об угрозе. А когда охотники приближались на достаточное расстояние, Фист ловил сигналы с антенн маленького корабля, взламывал защиту жертвы и нащупывал уязвимые места в их глубинном строении. Паяц иногда часами анализировал одну строчку чужого кода.

Джек привык воспринимать эту работу как своего рода военный аудит. Паяц казался ему чем-то вроде продвинутой версии тех бухгалтерских программ, какие предоставлял в пользование аудиторам Сумрак. Джек вгрызался в программы и базы компаний, анализировал тайные финансовые потоки и раскрывал истину, а Фист так же определял структуру разума по скрытым, переменчивым потокам данных. В обоих случаях дознание было медленной, тщательной, трудоемкой работой.

Но когда скрупулезный процесс определения структуры жертвы заканчивался успешно, Фист действовал молниеносно. Его сосредоточенная свирепость восхищала и завораживала Джека. Их разум сливался, тек, пульсируя, по системам истребителя, мчался в пустоту – и выжигал сокровенную сердцевину жертвы. Фист бесновался, завывая от дикого разрушительного восторга. А когда побоище забирало жизнь, паяц заходил в неистовом экстазе – и затас-

кивал в него душу Джека. В ней будто рассыпалось в куски что-то соблазнительно хрупкое, податливое, вожаденное. Очередной искусственный разум рассыпался прахом, разъятый, очередное «я» навсегда замолкало в холодной тьме космоса.

Поначалу Джек искренне ликовал, уничтожая каждого беглеца. Он считал, что все они такие же, как преступник, направивший астероид в Луну. Но у каждой радости есть оборотная сторона. В погоне за беглецами, следуя за Фистом от одной жертвы к другой, Джек научился прислушиваться к мыслям обреченных на смерть. С раннего детства он знал, что каждый член Пантеона был, в сущности, разумной корпорацией. Понимая это, легко представить самую малую корпоративную структуру подобием от дельного живого существа. Раньше Джек использовал свою логику и знания, чтобы пестовать эти существа. И со временем он понял, что убивает их собратьев в открытом космосе. А еще он с ужасом осознал, что истребляемым разумах едва ли хватило бы вычислительной мощности на проводку астероида с другого края Солнечной системы. И уж тем более они не смогли бы взломать системы безопасности Пантеона и сделать огромный камень невидимым для них. Настоящего преступника никто не пытался искать и привлекать к ответу.

Обычно после убийства Джек приходил в себя мучительно тяжело. Корчась от боли, он забивался в полузабытый в угол кокпита, весь покрытый рвотой, а иногда и содержимым собственных кишок. Фист паясничал в воздухе перед хозяином, безумно хихикая, дергая его и мучая в тщетных попытках разбудить. Добившись наконец своего, он скакал по всему кораблю, иногда выскакивал через иллюминаторы, скребся в них снаружи – фосфоресцирующий прирзак в межзвездной тьме, сияющий свирепым, глумливым, самодовольным весельем. Но хуже всего было, когда он подражал предсмертным стомам умирающих разумах.

Джек подползал к своей койке и спал как убитый сутками напролет, просыпаясь лишь затем, чтобы проблеваться или разрыдаться. Ему снился долгожданный мир, то, как извлекают Фиста, как наконец наступает вожаденное одиночество. Джек проклинал Сандала за то, что тот позволил астероиду пройти защиту, Сумрака – за отправку на войну, Королевство – за согласие сделать Джека кукловодом. В конце концов он заставлял себя подняться, брел в душ и трясся под обжигающими струями, собирая волю в кулак. Появлялся присмиривший Фист и тихо укладывался в его мыслях. Маленький истребитель возвращался домой, готовый податься лунной гравитации либо пришвартоваться к наружным причалам космостанции. Очередного беглеца вычеркивали из списка. Другие паяцы презирали Фиста, насмехаясь над его дотошностью и медлительностью. Фист посылал коллег подальше.

Краткое ожидание – и новая охота.

– Именно это вы и хотели услышать? – осведомился Джек. – Такого отчета желал ваш босс?

Он только что закончил подробное описание агонии юпитерианского разума. Автоматический комплекс горной разведки и добычи покинул Каллисто, чтобы дожить и домечтать несколько оставшихся недель, пока не истекут лицензии его программ, пока не заглохнут питающие его термоядерные реакторы. Комплекс работал без остановки восемьдесят семь лет.

Корасон давно уже перестала записывать и просто глядела на Джека, широко раскрыв глаза.

– Вы хотели услышать, как мы разорвали его в клочья, чтобы защитить вас от его желания умереть свободным? Лестак, вы в самом деле хотите это знать?

– Джек, мне нужно напоминать вам о тысячах погибших? О глыбе, которую ваши электронные друзья швырнули в Луну? Вы хотите услышать о погибших детях моих – нет, наших – товарищей? Хотите узнать, сколько классов осталось пустыми, потому что заполнить их нечем? Давайте я расскажу вам об этом, вместо того чтобы выслушивать ваши рассказы! Мне противно слышать, как вы рассказываете про свои потрясающие ощущения при ловле фальшивых

гребанных программ, сдвинувшихся от неисправности и превратившихся в машины уничтожения!

– Ни один из разумов, уничтоженных мною и Фистом, не был ответствен за трагедию на Луне. А скоро и я превращусь в военные потери. И даже не оставлю фетча после себя.

– Кому он нужен, ваш фетч? – осведомилась Лестак после секундной паузы.

За окном стемнело. Солнечная стена сделалась непрозрачной, потускнели огни Хребта. В Дом пришла ночь. Но ни Лестак, ни Корасон не шевельнули и пальцем, чтобы включить свет в комнате. И когда комиссар отвернулась, то показалось: она вжалась в темноту, растворилась во мраке.

Форстера осторожно тронули за плечо.

– Допрос окончен, – тихо сказала Корасон. – Я отвезу вас в Док.

Лестак не попрощалась с Джеком. И молчание ее казалось худшим упреком, чем любые слова.

«Ах, как здорово было услышать снова про наши подвиги! – прошептал Фист. – Добрые старые деньки! Ты ведь жалеешь о них, уж я-то знаю».

Услышать такое от паяца было еще гаже, чем выдержать молчание Лестак.

## Глава 6

По дороге к флаеру лейтенант обронила всего пару слов. Она заговорила снова, лишь когда машина вошла в темное нутро Бородавки. Лицо Корасон едва можно было различить в тусклом зелено-голубом свете приборной панели, голос звучал еле слышно. Маска журналистской бесстрастности слетела напрочь.

– Я и не представляла, насколько там тяжело... – Похоже, лейтенант захотела поговорить по-человечески.

Впереди показался контейнеровоз. Тихо зашипели компенсаторы ускорения, взвыл мало-мощный импульсный двигатель, и флаер изменил курс. Ремни безопасности натянулись чуть сильнее, будто напоминая о том, что Джек с Корасон летят в пустоте, ничем не поддерживаемые, кроме тяги крохотного мотора.

– Разрушать сознание. И видеть, как оно разрушает тебя. Да, нелегко, – отозвался Джек с деланным равнодушием.

– У нас были проблемы не легче, – невесело улыбнулась Корасон. – Террористы взрывают нас, Королевство убивает террористов. И так без остановки. А за Марсом, кажется, и не происходило ничего.

Замигал тревожно красный огонек. Она тронула переключатель, и огонек погас. Джек внезапно ощутил себя очень одиноким.

– Что случилось с Исси? – спросил он.

– Погибла на Луне. Она дочь Лестак.

Этого ответа он и ожидал. Наверняка после допроса Лестак успокаивается, вызвав фетч дочери.

– Жуткое было время, – сказал он не столько лейтенанту, сколько себе.

«Ну зачем ты так про наш „казус белли“! – укорил Фист. – Мы славно повеселились!»

Джек сосредоточился и создал в сознании барьер, отгораживающий паяца. Хватит с него уже этой синтетической злобы! Потом Форстер подумал об атаке на Луну и, как всегда, ощутил не ярость от гнусного поступка врага, а глубокую печаль. Политика заставляет людей холодно продумывать и совершать жуткие зверства. А потом нанесенные раны очень трудно залечить – если такое вообще возможно.

– Я по возрасту не попала туда, – сказала Корасон. – Но потеряла там друзей.

Кто-то изменил траекторию астероида и направил его на старую лунную шахту. Преступники сумели сделать небесную глыбу незаметной для локаторов Станции, и поэтому никто не сумел остановить астероид. Казалось, атака должна была послужить лишь демонстрацией силы и не причинить вреда. Но как раз в то время старая шахтерская база принимала ежегодный Лунный лагерь младших школ Дома. Три тысячи детей от четырех до четырнадцати лет умерли мгновенно. Пропуск астероида лежал на совести Сандала – и он потерял в статусе. Несколько ключевых подразделений службы безопасности перешли под управление Королевства. Пантеон отказался верить клятвам Тотальности, посчитав ее виновной. Вскоре началась Война программ.

– Джек, я поверить не могу, что вы протестовали против отправки на войну с ними, – не унималась Корасон.

Чем дальше, тем настырнее она лезла в душу. Похоже, лейтенанта глубоко задел рассказ о войне.

– Я был бухгалтером, – сказал Джек. – Остальные кукловоды были солдатами Королевства. Профессионалами, работавшими с системами борьбы с искусственным интеллектом задолго до слияния с паяцами. А меня швырнули к ним без всякой тренировки. Без всякой разумной причины.

- Но ведь отправил вас Сумрак! Это была его воля. А боги видят гораздо дальше нас.
- Чушь!
- Джек, Пантеон знает, что лучше для нас. Боги защищают нас. И всегда хотят направить на путь истинный.
- Неужели? Посмотрите, куда Сумрак завел меня. И не только меня. Возьмите дело Пен-дервилля – все указывало на причастность Пантеона.
- Этого не может быть! – воскликнула Корасон, и в ее голосе послышался ужас.
- Если сами боги отвернутся от истины, я последую за ней, а не за богами.
- Не употребляйте клятву Внуба для оправдания своей... ереси!
- Я нашел свидетельства в финансовых документах «Царь-пантеры». Хорошо спрятанные – но вполне убедительные. Кто-то из Пантеона участвовал в доставке «пота» на Станцию.
- С какой стати богу заниматься таким? И тем более убивать ради сокрытия контрабанды?
- Я принес свои находки Гарри Девлину. Он поверил мне. Потом началась Война программ. Пантеон использовал ее, чтобы прикрыть расследование. Всем тамошним мерзавцам плевать на правосудие.
- Тише, Джек! Как можно говорить такое?!
- Почему нет? Это правда.
- Не может быть! К тому же это неуважение к богам!
- Корасон, времена изменились. Сандал подвел всех нас. Сумрак оказался слишком наивным. Королевство затеял и проиграл несправедливую войну. А Заря воспользовалась случаем, чтобы увеличить вчетверо число своих зрителей.
- К чему вы клоните? – спросила лейтенант.
- Пантеон жесток, эгоистичен и крайне могуществен. Опасное сочетание свойств.
- Джек, я не желаю это слушать.
- Боги лгут нам, используют нас, а потом выбрасывают. Уж я-то знаю. Я убивал для них. А вы ведь так и не стали журналистом. Готов спорить – это была ваша мечта с детства. И какой выбор оставила вам Заря, отправив на службу во Внуб? Вы и в самом деле ей поверили, когда она пообещала, что избереет вам лучшую судьбу?
- Я могла выбрать и другое.
- У меня была подруга. Певица. Замечательный голос. Она не захотела соглашаться с тем, что предлагала Заря. Богиня разрушила ее карьеру.
- Флаер вырвался из туннеля Бородавки. Корасон снизила высоту и повела машину над самыми крышами Дока.
- Форстер, где вас посадить? – спросил она с внезапным равнодушием.
- «Похоже, ты нашел ее любимый мозоль!» Фист наконец сумел пробиться через барьер.
- У станции «Канжи-сквер», – ответил Джек.
- Далековато от вашего отеля.
- Мне нужно кое-кого повидать.
- Лейтенант посадила машину на улице. Джек открыл дверь. Снаружи шел предусмотренный расписанием дождь. Он стучал по стеклам, брызгал в лицо, студил кожу.
- Вам выдали кредитку Внуба на таможне?
- Да. От вас там был наблюдатель. Разве она не сообщила?
- От нас никого не было на вашем допросе в таможне.
- Как скажете.
- Форстер выбрался наружу, встал у двери:
- Сумрак научил меня кое-чему полезному. Нельзя доверять богам и принимать их болтовню за чистую монету.
- Студеный ветер выдувал последние остатки тепла из кабины.



– Корасон, вы ведь умная, – не сдавался Джек. – Вам стоило бы тоже усвоить этот урок.

– У вас осталось мало времени, – ответила она. – Сходите к своему отцу, посетите фетч матери. По крайней мере, помиритесь с ними. И не учините ничего... такого. Честно говоря, не хотелось бы встретиться с вами опять.

«Эх, сперва тебя бортанула Андреа, теперь Корасон. Красавчик, что-то у тебя не слишком хорошо складывается с женщинами!»

Дверь флаера закрылась, слившись с черной боковой поверхностью. Рядом с Джеком осталась лишь безликая машина. Пронзительно взыв, флаер взмыл в круглое, огороженное со всех сторон небо.

## Глава 7

На Канжи-сквер был час пик. Люди проталкивались в пабы, выбирались из них, толпились в очередях у ночных клубов, просто шатались по Ти-Бон-Анж-стрит. Они болтали и смеялись. Некоторые танцевали, дергались в такт слышимому только им ритму.

«Формальности исполнены, пора искать Андреа», – заключил Джек.

«Хочешь сказать, отслеживать ее? Но как, скажи на милость? Мы не знаем, где она живет и куда ходит».

«Как? Старым добрым способом: мы навестим все места, где она выступала. Будем ходить и высматривать, пока не отыщем».

Джек стоял посреди ярко освещенного, суматошно суетливого увеселительного квартала. Сверкали огни ночных клубов, грохотала музыка, сновали помешанные на моде подростки. Тут правили Заря и Близнецы и, рассыпая горстями свое благоволение, повергали поклонников в экстаз. Но Джек, не подключенный к сети, видел лишь уныло одинаковые строения, освещенные уныло одинаковыми фонарями, полные уныло одинаковых людей. Возможно, разные сетевые символы и отличали одно от другого, но Форстер не умел с машинной дотошностью разглядывать каждого и анализировать мелкие детали.

Выделялись тут лишь потогоны. Пока у них хватало ума не принимать «пот» на публике, их свободу не ограничивали. Вокруг немало их брело, спотыкаясь, сквозь толпу. Сеть не позволяла нормальным людям видеть потогонов. И немудрено: наркотик, словно кислота, разъел их лица, лишив носов и продырявив щеки. Тела были изуродованы не меньше, но лохмотья скрывали язвы. Немногие еще сохраняли координацию движений. Большинство пошатывалось, тряслось, едва стоя на ногах. Время от времени потогоны хватали людей за рукава, тянули за руки, тихим голосом прося денег. Сеть не могла замаскировать прикосновения либо шепота на ухо. Почти все нормальные люди замирали, будто парализованные. Затем отталкивали просящего, рискуя из-за касания окончательно разрушить оверлей. Но кто-нибудь – очень редко – все-таки бросал гроши на счет несчастного наркомана.

Над головой потускнели лампы Хребта, возвещая приход ночи. Джек понял, что без сети он не сможет отличить ночные клубы от баров и театров, не говоря уже о том, чтобы найти оповещающие о концертах Андреа афиши. Но Андреа всегда была демонстративно старомодной. Потому Джек брел куда глаза глядят, надеясь отыскать что-нибудь доступное для чтения без сети: объявление на стене, листовку в руках кого-нибудь из очереди. Возможно, теперь Андреа ограничивается лишь такой рекламой – и потому Чарльз не смог ничего обнаружить. А может, повезет узнать кого-нибудь из друзей Андреа либо попросту наткнуться на нее саму?

Но никаких ее следов он так и не нашел.

«Зря теряем время, – проворчал Фист. – Почему бы просто не поспрашивать у народа?»

«Вне сети бывают только преступники. Ты же видел, что случилось в кафе прошлым вечером».

Но, поискав напрасно еще немного и вконец отчаявшись, Джек решил расспросить людей. Большинство игнорировали его, считая новым, обманчиво здоровым видом потогона. Трое все же остановились выслушать. Но, сообразив, чего хочет странный незнакомец, первый из троицы велел Джеку проваливать, второй убежал, а третий пригрозил сдать его Внубу.

«Ладно, Фист, возвращаемся в отель. Завтра попробуем снова».

«Ох, наконец-то!»

Домой, в Рану, возвращались долго. Миновали то самое маленькое кафе под патронажем Близнецов. Было поздно, и оно пустовало. Даже потерянные приверженцы Сумрака не заглянули туда этим вечером. Рядом с кафе в темноту уходил узкий проулок. Оттуда доносились приглушенные крики. Джек прошел было мимо, потом остановился и вернулся на пару шагов.

«Фист, ты видишь, что там?»

Пара Сандаловых мусорных баков загораживала проулок. За ними Джек различил какую-то возню. Драка, что ли? Взметнулась рука, сжимающая обрезок трубы, и резко опустилась. Кто-то пронзительно закричал машинно-неживым, хриплым, искаженным помехами голосом: «Помогите!»

«Джеки, это же бипед! Слушай, не надо...»

Расшвыряв баки, Форстер кинулся в глухую темень.

«Вернись! Тебя покалечат!» – надрывался Фист.

Ишь ты, как за будущую собственность переживает! Назло паяцу Джеку захотелось получить увечья. Увы, тогда придется доживать калекой.

Он бежал по мокрому, скользкому бетону, вдоль разъеденных влагой глухих кирпичных стен. Пахло мочой. Мальчик и девочка – совсем еще маленькие, лет по десять, не больше, – стояли над упавшим бипедом. Его голова излучала тусклый фиолетовый свет. Бипед забился в дверной проем и скорчился на земле. Тщетно пытаясь защититься, он беспомощно размахивал рукой. Мальчик отпихнул руку, снова занес трубу. Удар пришелся в грудь жертвы, и труба погрузилась в нее. Бипед застонал.

– Гребаный мякиш! – прошипел мальчуган.

Девочка пнула бипеда. Тот чуть сильнее вжался в проем. Сияние бипеда высветило усталые лица, потрепанную одежду детей. Ни бипед, ни они пока не заметили Джека.

«Ну, если уж пришлось...» – вздохнул Фист, смирясь с необходимостью помочь.

Он оценил шансы и прошипел:

«Выруби сперва пацана. Порви ему глотку. Кровь испугает девчонку. Она убежит».

«Господи боже, ты же знаешь: я такого не сделаю! Просто покажись».

«Что?!»

«Покажи себя! Устрой представление. Пусть у них шарики за ролики закатятся».

Грохнуло, полыхнуло – и малолетние хулиганы обернулись, испуганные и растерянные. Перед ними стоял Джек, а рядом с ним пылал огонек. Он разрастался, хлеща стены лучами; обручи клетки раздались, стали черными от ослепительного сияния за ними. Еще раз треснуло, грохнуло – и затихло. Обручи клетки медленно вращались, а за ними висела в воздухе маленькая безжизненная фигурка Фиста.

Затем обручи расплылись, замерцали, пропали, и кукла подняла голову. Дети устали в ужасе на размалеванные красным щеки, мертвые стеклянные глаза, идеальную деревянную прическу, вечную улыбку на губах, несуразно мелкое деревянное тельце в серо-синем костюмчике, накрахмаленной рубашке и при маленькой красной бабочке. Паяц дважды клацнул зубами, и резкий деревянный стук эхом раскатился по переулку. А потом Фист жутко заревел:

– Я СОЖРУ ВАС ЗАЖИВО, МЕЛКАЯ ПОГАНЬ!

Дети нерешительно попятились.

– Я С ВАС ОВЕРЛЕЙ СДЕРУ! ОСТАНЕТЕСЬ БЕЗ СЕТИ ДО КОНЦА ЖИЗНИ!

Дети бросились наутек. Мальчуган шмыгнул за угол. Девочка остановилась и оглянулась.

– Я кукол не боюсь! – выкрикнула она дрожащим голосом и показалась совсем малышкой.

Полыхнуло снова – и паяц оказался рядом с ней. Девчушка замерла. Фист наклонился, почти касаясь ее деревянной призрачной плотью.

«Эй, просто вели ей убираться. Не перепугай слишком сильно!»

Паяц посмотрел на Джека с недоумением.

«Не забывай: это же малый ребенок!»

Та глядела в ужасе, не зная, чего ожидать от страшной куклы. Дрожащей рукой девочка коснулась клетки, будто хотела проверить, настоящая ли она. Вспыхнуло – и малышка отдернула руку, словно ужаленная.

– Уходим! – крикнул из-за угла мальчик. – Нам тут делать нечего!

Девочка по-прежнему стояла не шевелясь, будто парализованная.

– Он прав, – зловещим шепотом подтвердил Фист тихо. Он придвинулся еще ближе, едва сдерживая ярость. – Тебе тут нечего делать! БЕГИ!

Этого она не выдержала и бросилась прочь со всех ног.

Джек склонился над скорчившимся в проеме телом.

– Как вы?

– Они застигли меня врасплох. – Приглушенный голос бипеда звучал почти неискженным. – Самец повредил мой голосовой синтезатор.

Бипед перекатился на спину, открыв лицо – овал наногеля с неглубокими впадинами на месте глаз, носа и рта. Шея – круглый металлический воротник. Нападающие сорвали черное пончо, прикрывавшее мягкое тело. Одна нога подогнута неестественно.

– Что случилось? – Джек помог бипеду сесть.

– Они напали внезапно, затащили меня сюда и принялись избивать.

– Все кончилось, они уже ушли.

– Знаете, что любопытно? У меня работает программа полной дипломатической неприкосновенности. Они не могли бы и помыслить о том, чтобы напасть на меня.

– Их сетевые порты заглушены, – пояснил парящий у плеча Джека паяц. – Мне пришлось постараться, чтобы они увидели меня.

– Странно, – заметил бипед. – Я уверен, причина нападения – расовая ненависть.

– С чего бы это? – хмыкнул Фист. – Вы не раса, а машины. Как и я.

– Заткнись, Фист, – одернул его Джек.

– Я слышал о подобных вам, но не ожидал, что повстречаюсь с кем-то из них, – заметил бипед.

– Тебе следовало бы бояться меня.

– Вы в надежной клетке. А ваш хозяин – добрый человек.

– Я знаю семьсот способов стереть начисто твою невральную сеть. – В голосе паяца послышались зловещие нотки.

– Но я останусь жить в коллективной памяти Тотальности – чем-то вроде ваших несчастных фетчей.

– Не имею ничего общего с этими калеками.

– Фист, успокойся, – посоветовал Джек и добавил, обращаясь к бипеду: – Вы сможете встать?

Тот кивнул.

Джек помог ему подняться. Бипед зашатался, распрямляя ногу, но сохранил равновесие и устоял.

– Так уже лучше.

– Можете идти? – спросил Джек.

– Кажется, да. – Бипед шагнул раз, другой.

– Тогда давайте я провожу вас домой.

«Джек, это противоречит всем моим программам», – проворчал Фист, когда хозяин и опирающийся на него бипед вышли из переулка.

## Глава 8

Бипед тоже остановился в Ране. Он пояснил, что там меньше помех для его работы. Джек на пару с ним доковылял до отеля. Там бипед настоял на том, чтобы купить Джеку выпивку. Тот отказался от виски, но согласился на кофе. Убогий бар был пуст. Из старых динамиков хрипела музыка. Все – унылая жестяная пародия на себя, голый остов, которому сеть добавляет плоть и кровь.

– Прошу прощения, я хотел бы кое-что уточнить, – начал бипед, когда они уселись за стол. – Я считал, что у вас все подключены к сети. Но эти дети...

Он говорил лучше прежнего. Системы авторемонта активно принялись за дело. Пончо окутывало тело, но голова оставалась непокрытой и неярко светила в сумраке. Так могла бы выглядеть чужая далекая луна, освещенная умирающей звездой. Наногель, из которого состояло тело бипеда, был полупрозрачным. Сквозь лицо можно было рассмотреть бар, чуть размытый, искаженный, словно видимый сквозь сильно поцарапанный объектив.

– Понятия не имею, что с ними, – пожал плечами Джек. – Я не был на Станции семь лет. В мое время дети никогда не выходили из сети.

Он надорвал пакетик с сахаром, высыпал его содержимое в кофе, размешал медленно и размеренно белый порошок в бурой жиже. Кружка приятно грела руки. Джек сделал глоток, позволил теплу растечься во рту, по горлу, наслаждаясь чувством настоящей, грубой и едкой реальности. Но когда ты не в сети, кофе почти безвкусен.

«Крепкий кофе в поздний час спать тебе и мне не даст», – пропел Фист.

Джек заглушил его.

– Наверное, вы и сами не в сети? – осведомился бипед.

Форстер не ответил.

– О, простите за бестактность...

Повисла неловкая пауза.

– Спасибо за то, что помогли мне. Не каждый бы на вашем месте поступил так, – нарушил тишину бипед.

Джек пожал плечами.

– А могу я задать еще один не деликатный вопрос? – осведомился бипед.

– Почему бы и нет?

– Вы ведь кукловод? Надеюсь, вас не оскорбляет это прозвище?

– Да, кукловод.

– Вас почти не осталось.

– Остался я один. И два паяца: Фист и мистер Стабс.

– Мистер Стабс? У него нет партнера-человека?

– У него он был. Дэвид Тиамат. Но вы же знаете, что с ним произошло.

На мгновение повисла тишина – бипед заглядывал в архивы.

– Я прошу прощения, – произнес он наконец. – Мы всегда предпочитали выводить из строя корабли, а не убивать их экипаж. Мы полагали, что экипаж быстро спасут.

Но к Дэвиду Тиамату не успели вовремя. Его корабль дрейфовал слишком долго. Не в силах вынести одиночество, Дэвид вручил себя мистеру Стабсу и упокоился с миром, когда паяц завладел его разумом и телом. Его история стала любимой легендой паяцев, вселяющей надежду на счастливый конец их истории.

– Что ж, вы хотели как лучше, – сказал Джек. – Вам не следует винить себя за нерадивость Пантеона.

– Боги несправедливы к вам. Вам же осталось совсем немного до того, как...

Бипед поерзал, потупился. Должно быть, так он хотел показать смущение и неловкость.

– Через три месяца истекает моя лицензия на мистера Фиста, – пояснил Джек. – После чего паяц завладеет моим телом – как мистер Стабс телом Тиамата.

Фист хихикнул.

– А вы не можете пересмотреть условия?

– Гляньте еще раз в свои архивы. – Джек грустно улыбнулся. – Системы удаления паяцев имела только последняя мастерская по их обслуживанию. Она была на орбитальной марсианской станции. Там содержались все паяцы, вынутые из своих хозяев, и все системы, извлекавшие и поддерживавшие их. В конце войны станция превратилась в облако пара. А с ней и вся нужная техника, и все программы. Никто больше не сможет вынуть Фиста из меня и уж тем более не построит новую мастерскую для этого.

– Но почему нельзя сохранить текущее состояние дел?

– Я не владею Фистом. У меня всего лишь семилетняя лицензия на него. Если я в конце лицензионного срока не возвращаю паяца в принадлежащую Королевству мастерскую по уходу за паяцами, включаются штрафные санкции. Компания, выпускавшая паяцев, либо ее правопреемники вправе изъять мою собственность для возмещения стоимости Фиста. Он весьма сложное и совершенное устройство и стоит дорого. Я же всего лишь бездомный безбожный предатель и стою мало. – Джек ухмыльнулся. – А это значит, компания получит единственную мою собственность: тело и разум. Но от компании не осталось ничего, кроме Фиста. Так что он целиком и полностью завладеет мной. Как только его системы, ответственные за корпоративную принадлежность, проанализируют ситуацию, они прикажут вступить во владение моим разумом и телом.

– Фист может их остановить?

– Нет. Это не под силу и самому Королевству. Все произойдет автоматически. Изменить тут нельзя ничего.

Форстер помолчал немного, затем добавил, не в силах сдержать обиду и злость:

– Да и не то чтобы Фист хотел остановить их.

– Мне так жаль, – посочувствовал бипед. – И от компании на самом деле не осталось совсем ничего другого?

– Ходили слухи, что выжили шесть эмбрионов-паяцев, еще не внедренных ни в кого. Но где они, никто не знает. Да и систем нет, которые могли бы поддерживать их жизнь. Так что Фисту некуда податься, кроме как вот сюда. – Джек постучал пальцем по лбу.

Паяц тут же явился перед собеседниками:

– Эй, мякиш, хозяин теперь мой!

– Я уже сказал тебе, чтобы ты не употреблял это слово.

– Да пошел ты!

Форстер размахнулся, чтобы отвесить оплеуху наглецу, но тот отреагировал мгновенно, исчезнув.

– Прошу прощения, иногда он отбивается от рук.

«Эй, Джеки-малыш, погоди, я тебе отобьюсь от рук!» – прозвучало в голове.

– Да, тяжелое у вас время.

– Нелегкое, – согласился Джек.

В отель на нетвердых ногах вошли две девушки и побрели к бару. Обе были в облегающих белых майках и шортах, усеянных сетевыми символами. Интересно, кем эта парочка кажется их целевой аудитории?

Девушки заметили бипеда. Одна взвизгнула. Вторая захихикала. Первая ударила подругу и закричала:

– Мой брат! Вы убили моего гребаного брата!

Шатаясь, она направилась к бипеду, но подруга потянула за руку, остановила. Первая залилась слезами, бормоча бессвязно, обвиняя и угрожая.

– Очень жаль, что так много людей считает нас виновниками того зверства, – произнес бипед, отворачиваясь от девушек.

– Мне тоже жаль, – сообщил Джек.

– Это все пропаганда Пантеона. Вам не за что извиняться.

Бармен перегнулся через стойку, что-то напряженно зашептал девушкам. Те поплелись к выходу. Бармен посмотрел злобно на Джека с бипедом.

– Видите, сработал мой дипломатический статус! Такое должно было произойти и во время нападения, – заметил бипед.

– Ее остановила подруга. И бармен.

– Они среагировали на мои защитные программы. В поле зрения людей появилось предупреждение: «В случае агрессии виновных арестует Внуб, а бар потеряет лицензию».

– Наверное, напавшим на вас детям было нечего терять, – предположил Джек.

– Да. Таких людей не запугать. Мы это знаем из личного опыта.

– Постойте-ка, чтобы ваши дипломатические протоколы работали, разве вы не должны быть в нашей сети?

– Конечно.

– А я думал, что Пантеон не позволит вам этого.

– Мы предпочитаем всегда оставаться на связи с вашими богами. И Пантеон понимает, что это необходимо. Наличие такой связи – один из пунктов соглашения о прекращении огня.

– Так почему вы не позвонили во Внуб?

– Я позвонил. Но Внуб не спешит реагировать на звонки представителей Тотальности.

– Скверно.

– Я привык. Такая уж работа. Да, мне следует представиться: я – элемент человеческого интерфейса IS/2279A0E2/BE/HIE/Biped/723CI4, сокращенно – Ифор. Я определяю себя как мужчину.

– Приятно познакомиться, Ифор. – Джек протянул бипеду руку. – Я Джек Форстер.

Когда бипед пожал протянутую руку, в его голове замерцали огоньки. А память Джека всколыхнулась снова. Он вспомнил, как Фист заставлял ток замыкаться на наногель и тот вспыхивал, когда погибал обитавший в нем разум. Тогда гель полыхал яркими, грубыми красками, какофонией резких форм. Игра света в наногеле Ифора выдавала волнение и удивление.

– Похоже, вы слышали обо мне, – заметил Джек.

– О да! И ваш поступок произвел на нас большое впечатление.

– Я не сделал ничего героического.

– Но вы же спасли один из наших наиболее ценных процессорных центров!

Джек вспомнил, как наткнулся на странную «снежинку» во время рядового патрулирования. Это был его первый рабочий вылет с Марса после смерти матери. Он тогда не мог спокойно заснуть. Всякий раз во сне он обретал ее и терял снова и снова.

Два месяца Форстер патрулировал воздушное пространство, дрейфуя от астероида к астероиду и выставив сенсоры на пассивный режим широкого охвата. Прошное заполняло и делало невыносимым каждый день. Вот почему Джек вздохнул с огромным облегчением, обнаружив «снежинку». Та обращалась по низкой орбите вокруг астероида. «Снежинка» маскировала свое присутствие, но не идеально. Сенсоры засекли ее в нескольких сотнях километров. Настоящее отеснило прошлое. Фист принялся за работу. Затем последовали сорок восемь бессонных часов наблюдения за тем, как паяц взламывает изоэлектрические системы защиты, создавая «слепые пятна», сквозь которые Джек мог продвинуть патрульный кораблик ближе к врагу. Когда осталось всего полсотни километров, Фист вошел в навигационную систему «снежинки» и запустил сложный, причудливый маневр уклонения, постоянно держа астероид между собой и «снежинкой».

Первое время ни Джек, ни Фист не понимали значения своей находки. За двое суток работы Фист не смог даже отыскать узловые системы «снежинки», не говоря уже про взлом их.

– Знаешь, Джек, мне раньше никогда не приходилось возиться так долго, – сообщил он уныло, клацая от отчаяния зубами. – Но у меня получится, вот увидишь. Я закопаюсь с головой и доберусь до самого ее гребаного ядра.

Паяц и в самом деле пустил в ход все ресурсы. Его видимое тело обмякло, скатилось на пол и растворилось. А Джек улегся на кровать и расслабился, позволяя Фисту воспользоваться своим разумом. Он быстро провалился в странный путаный сон, обычно приходивший тогда, когда паяц загружал мозг своими задачами. Форстер боялся, что во сне снова придется переживать смерть матери, и обрадовался, когда мысли о ней не пришли. А потом ощутил укол совести из-за этой легкомысленной радости. Но во сне Джек по-прежнему общался с паяцем. Тот подтащил разум хозяина к борту корабля, прыгнул наружу. Плыть в космосе оказалось так спокойно, мирно – до тех пор, пока обостренные чувства Фиста не просигналили о солнечной буре. Паяц использовал их, чтобы скрыть осторожную трансляцию, переносившую его «я» сквозь ночь к врагу. Добравшись, паяц аккуратно протиснулся в щель цифровой брони, окружавшей программы корабля.

Фист вошел осторожно, нежно, будто любовник во мраке. Его маниакальное пристрастие к изучению противника до последней мелочи оказалась как нельзя кстати, потому что до сих пор им с Джеком не попадались настолько сложные и прочные защитные системы. Почти с благоговейным ужасом Форстер наблюдал за тем, как самые изошренные части человеческого разума становились орудиями взлома. В конце концов Фист разбил последний брандмауэр, который, как считал паяц, ограждал программное ядро единственного враждебного интеллекта. Паяц кинулся внутрь, увлекая хозяина за собой. Оба ожидали найти сердце чужой машины – ее программный центр. Фист взломал бы его и заплясал бы в неистовом победном ликовании на обломках, среди цифрового хаоса. А Джек бы заплакал.

Но за стеной оказалось нечто совсем иное, поразившее обоих. В заполненном свечением пространстве висело множество причудливых форм, вращавшихся друг вокруг друга в медленном и сложном трехмерном танце. Каждая – словно детский рисунок звезды: светящиеся лучи, выходящие из огненного шара. Пучки радиации выплескивались из лучей, сплетались с похожими пучками от ближних звезд, отделялись от удалявшихся. Повсюду сияли и пульсировали мощные информационные потоки, скакавшие внезапно сквозь пустоту. «Снежинка» оказалась чревом, где зрел новый вид искусственного разума – живого, могучего, невообразимо богатого мыслями и возможностями.

– Фист, сколько ты видишь разумов здесь?

– Сосчитать не могу.

– Похоже, это часть самого сердца Тотальности, средоточие вычислительных мощностей.

– Так близко? Я думал, они в поясе Койпера.

– Тотальность набирается наглости. Разве это не удивительно?

– М-да, – задумчиво протянул паяц и, помолчав, предложил: – А давай разнесем все это к чертовой матери!

– Нет.

– Да что за хрень?! Джек, никто и никогда не вламывался в такое! Мои поганцы-коллеги наконец-то воспримут меня всерьез.

– Хватит уже смертей. Здесь мы ничего не трогаем. Очень уж оно красивое.

– О господи боже! Подумать только, именно сейчас его обуяли угрызания совести! Да нет тут твоей гребаной мамочки!

Форстер рывком высвободил свой разум из-под контроля Фиста, ощущая, как рвутся связи, соединявшие рабочие центры мозга с разумом паяца. Тот практически мгновенно перешел от изумления к ярости. Он завыл, рыча в бессильной злобе, пока Джек запустил их объ-



единенное сознание в самые глубины вражеских разумов. Он понимал, что спровоцирует тревогу, но ему было все равно. Перед совершенной красотой всякая мысль о войне казалась нелепостью.

Джек забыл о том, что сидит в кафе напротив Изара. Воспоминания затопили рассудок. Даже Фист умолк, насупившись обиженно, переживая заново момент, стоивший ему и его хозяину так много.

Ифор кашлянул, напоминая о своем присутствии.

– Вы – герой для многих из нас, – произнес он.

– Думаю, Тотальности нужны герои повыше классом.

– Скромность – хорошая черта. Немногие из ваших коллег сумели бы пробиться в коллективный разум. И никто, кроме вас, не пощадил бы его.

«Какие дифирамбы поет! – заметил паяц. – Держу пари, хочет что-то выклянчить».

– Насколько я понял, вы дипломат, – сказал Джек. – Какова ваша миссия? Почему вы в Доке? Мы видели одного из ваших прошлой ночью, но не могли понять, чем он занимается.

– У нас весьма специфическая задача. Во время Войны программ ваши войска захватили много элементов Тотальности и привезли домой в качестве сувениров. Частично в этих элементах сохранилось сознание. Тотальность неполна без них. По условиям мирного договора с Пантеоном нам даны полномочия искать принадлежащее нам по всей Станции.

– И как, удачно получается?

– Вы же видите, какой нам оказывают прием, – вздохнул бипед.

– Да, трудно.

– Но мы очень рады, когда удастся отыскать фрагмент сознания. Конечно, пока недостает еще многих. Потеряны и несколько полных разумов. Мы связались с Внубом, но ваша служба безопасности уверяет, что не владеет никакой информацией о них. А наши поиски дали крайне мало результатов. Но продолжать поиски – наш долг перед пропавшими. И поэтому мы их продолжаем.

– По всей Станции? – уточнил Джек.

– Да, и здесь, и в Доме. Наша делегация находится на Небесах, оговаривая условия мира, но искать там нам не позволено.

– Жаль.

– Разумеется, но что мы можем поделать? – Ифор снова пожал плечами, что выходило у него на удивление естественно. – Кстати, мне поручено сделать вам предложение.

«А что я говорил! – фыркнул паяц. – Эти типы хотят, чтобы ты сделал грязную работенку за них»

– Пока мы беседовали, я связался с руководством. Мы понимаем, насколько тяжела жизнь условно освобожденного. Поскольку мы занимаемся весьма специфическим делом, то уполномочены призывать на помощь жителей Станции и предоставлять им особый статус. Если вы согласитесь, мы сможем наделить вас частью наших дипломатических полномочий. И само собой, вы получите достаточно средств для покрытия издержек. Что, я полагаю, несомненно, скрасит оставшееся у вас время.

– Вы имеете право делать такие предложения?

– Да. Благодаря, так сказать, определенной дыре в договоренности. Пантеон не определил, кого именно мы можем привлекать для работы и наделять особым статусом.

– И что же потребуется от меня?

– Посвятить некоторое время поискам – главным образом, чтобы продемонстрировать Внубу, в чем именно заключается ваша помощь нам. Но эта задача – не главная. Мы хотим от вас иного, и весьма важного. Ведь вы можете передвигаться в вашем мире с легкостью, недоступной для нас.

– Ифор, Станция – больше не мой мир. Она выбросила меня вместе с мусором. И я уже сделал для вас немало. Я уважаю вас, но именно из-за ваших действий я вынужден оставаться с Фистом. Благодарю за предложение, но я отказываюсь. Мне с лихвой хватило работы на обе стороны.

– Я понимаю вашу точку зрения и принимаю ваш выбор. Сожалею, что наши действия повредили вам. Но наше предложение остается в силе. Я оставил свои контактные данные в вашем сетевом пространстве. Если вы передумаете либо если окажется, что мы можем быть вам полезны иным образом, вам будет легко связаться со мной.

– Вы можете быть мне полезны иным образом, – произнес Джек.

– Каким же?

– Найдите для меня певицу по имени Андреа Хью.

Ифор замер на секунду, шаря в сети. Затем его лицо озарили странные сполохи.

– Забавно... – протянул он. – Она выступает сегодня в маленьком клубе на Прайер-Хейтс.

– И что же тут забавного? – спросил Джек.

– Она мертва уже пять лет.

## Глава 9

Джек собирался навестить отца, но известие о смерти Андреа выбило его из колеи. Смерть объясняла ее теперешнее молчание, но делала совершенно непонятным двухлетнее общение с Андреа. Возможно, она не ожидала освобождения и потому испугалась известия о возвращении бывшего любовника. Теперь, когда их больше не разделяли расстояние и тюремные стены, Андреа пришлось бы признаться, что она – всего лишь фетч. Чем признаваться в таком, она предпочла молчание.

Но как же она вообще могла переписываться с живым? Фетчи не способны действовать так независимо. У Джека даже промелькнула мысль о мошеннике, подделывавшемся под нее. Но в письмах упоминались события и слова, которые были известны только им двоим. Невозможно поверить, что так мог писать кто-то посторонний. И как искусно и действенно она сумела рассеять его страх перед смертью, примирить с неизбежным. Теперь Форстер понял, как ей это удалось: Андреа узнала на личном опыте, что значит расстаться с жизнью.

Но почему же Андреа умерла? По официальной версии, она погибла от слишком большой дозы наркотиков спустя несколько часов после того, как застрелили Гарри. Ифор отыскал выпуск новостей, где подробно расписывалось, как скорбь одолела вдову. Вероятно, она всего лишь не рассчитала дозу. Но не исключено, что она была превышена намеренно. Однако та Андреа, которую знал Джек, никогда не прикасалась ни к чему крепче вина либо виски, и то крайне умеренно. Он снова вспомнил о свидетельствах соучастия Пантеона в наркотрафике, найденных в счетах «Царь-пантеры». Интересно, что еще откопал там Гарри? И кто посчитал опасным утечку информации?

В тесной комнатухе отеля думалось тяжело. Форстер вышел на улицу и побрел в сторону квартала, где жили родители. Хотя встречаться с ними большой охоты не было.

«Ах, малыш Джеки весь во власти душевного смятения! – хихикнул Фист. – Все будет по-другому, когда рулить стану я».

«Катись к черту!»

Спустя полчаса Джек обнаружил себя стоящим на краю выжженного участка. Там вволю порезвилась смерть. От жилой многоэтажки остался лишь обгорелый остов. Вместо окон – обугленные провалы, откуда вырывалось пламя. На стенах вокруг – пятна сажи, оставленные клубившимся дымом. Крыша провалилась. Руин не трогали после пожара, лишь обнесли высокой металлической изгородью.

Джек все никак не мог отделаться от мыслей о скорой смерти. Слова Фиста назойливо кружились в голове. Форстер вспомнил охватившую его ярость, когда он понял, что гибели не избежать. Он пытался убить паяца, проклинал его, угрожал и бесновался часами – а Фист только хихикал. Джек попытался торговаться, но оба скоро поняли: замедлить либо отворать неизбежное они не в силах. Затем пришло отчаяние. В самые черные минуты душевного изнеможения Джек подумывал о самоубийстве. Но со временем оно показалось нелепой растратой того, что еще могло послужить и принести пользу.

В нескольких метрах от него остановилась женщина. Она смотрела на мертвое здание и тихонько, почти незаметно плакала.

«Интересно, из-за чего это она?» – осведомился Фист.

Джек подумал, что ребенок этой женщины мог погибнуть на Луне. По возрасту вполне может быть. А ведь фетч матери Джека считает сына мертвым.

Он подумал про Андреа и посоветовал паяцу: «Это ее личное дело. Пойдем отсюда».

Некоторое время оба шли молча, пока не приблизились к дому родителей Форстера. Джек не сомневался, что встреча с отцом окажется болезненной. Вряд ли он позволит повидаться с фетчем матери.

«Джек, на том месте взрыва висели чертовски эффективные защитные программы. Лучшие из Розиных».

«Слишком эффективные даже для тебя?»

«Я б их разжевал на раз и выплюнул, если б не гребаная клетка».

Паяц злился – и в мыслях Джека словно комар зудел. Конечно, Фисту хотелось бы жить в другом настоящем, выросшем из другого прошлого. Он предпочел бы вырасти на другом кукловоде, проявить себя в других битвах. А какой была бы жизнь кукловода без Фиста? Кем мог бы стать Джек, если бы его не отправили на войну, разрушившую почти всякую связь с домом и уж точно всю веру в богов? Он вспомнил своих начальников, представил, как уподоблялся бы им.

Конечно, тогда бы он не поссорился с родителями. Впрочем, Сумрак быстро возвысил бы его, дал бы очень ответственную, но отнимающую много времени работу. И вряд ли Джек часто виделся бы с родными. Гарри и Андреа погибли бы, Джек оставался бы на Станции, и к тому времени Сумрак уже свел бы его с подходящей женщиной. Эта особа уж точно не потерпела бы мужниной скорби по неудачной интрижке с певичкой из Дока. Так что никаких бесед с фетчем Андреа! А потом Джека и в моральном, и в социальном плане разбило бы в пух и прах низвержение Сумрака.

Форстер представил их с женой дом, который видел бы лишь поздней ночью либо рано утром, в считанные минуты перед коротким беспокойным сном или сразу после пробуждения. В доме могли бы появиться дети, суетливые непонятные существа, и Джек лишь ворчал бы на них устало, не в силах дарить им свое внимание и заботу. Были бы и друзья. Но цена их дружбы теперь ему хорошо известна. Уж об их потере тревожиться точно не стоит.

А если бы Фист получил ту жизнь, о какой мечтал, он умер бы вместе со всеми паяцами на марсианской орбите. Джек теперь хорошо понимал суть симпатий Сумрака к молодому бухгалтеру. И хорошо, что Джек Форстер не погряз в жизни, которая протянулась бы на несколько десятилетий дольше, но была бы сродни смерти. Может, и удалось бы найти выход из ее гнусной монотонности, но хватило ли бы на это сил? Джек вздохнул и пошел прочь от улицы, где прошло его детство.

На то, чтобы отыскать бар, где выступала Андреа, у него ушло несколько тоскливых часов. Бар прятался в закоулке, втиснувшись между парой газгольдеров. Джек не сразу решился шагнуть за порог, вынуть карту Внутренней безопасности и попросить билет. Он почти надеялся, что привратник откажет, а заведение окажется не для условно освобожденных типов. Но привратник лишь прошипел тихо: «Добро пожаловать в „Уши“!» Ступив внутрь, Джек поморщился, чувствуя спиной холодный, понимающий и ничему не удивляющийся, оценивающий взгляд.

Унылое, убогое место. На потолке – всего пара ламп, от тусклого света которых сумрак кажется еще гуще. От стены отслаивается штукатурка, обнажая грязную арматуру. В полумраке вяло текут разговоры. Несколько посетителей сидят, уставившись в пустоту. Они целиком ушли в сеть. Большинство – в дешевых комбинезонах, отличающихся только сетевыми символами. Стойка бара светится грязно-желтым. Подле нее стоит глубоко задумавшаяся светловолосая девушка.

Появившийся бармен показался Джеку похожим на скверно нарисованного призрака. От него пахло потом.

– Виски. Со льдом. – Выложив карту Внуба, Джек попытался изобразить улыбку.

Бармен кивнул. Зашипело, звякнуло – и он протянул стакан с бурой жижей. Убойное пойло. Такому не нужна сеть, чтобы огнем опалить глотку. Форстер жадно проглотил порцию и, стыдясь своей поспешности, сразу же заказал новую. Двойную.

«Эй, полегче! Если так пойдет и дальше, ты кончишь, как Чарли! – проворчал Фист. – А от похмелья мучиться мне!»

– Говорят, здесь будет представление сегодня? – спросил Джек у бармена и, сглотнув, уточнил: – Фетч?

– Да, попозже, – кивнул тот.

– Мне нужны специальные разрешения, чтобы увидеть ее?

– Она – открытая программа. Может подключиться любой.

Слава богу! Значит, можно увидеть Андреа без риска. Фисту не придется ничего взламывать. Бармен ушел. Темнота окутала его, превратила в размытую тень среди разноцветных бутылей, мрачно поблескивающих вокруг.

Блондинка посмотрела Джеку в глаза и улыбнулась. Она была удивительно красива – но красотой глянцевого, холодно-безукоризненного, как логотипы корпораций. Но Джек пришел сюда не ради таких особ. Он нашел маленький свободный столик, запрятанный позади стойки, уселся за него и принялся ждать Андреа. Со сцены она его не увидит. Джек пока не знал, что сказать ей – и как вообще отважиться заговорить.

«Я скорей мочи выпью из марсианского нужника, чем задержусь в этой дыре на лишнюю минуту», – пробурчал Фист.

«Удостоверься лучше, открыты ли наши фетч-порталы. Я не хочу пропустить ее».

Прошло полчаса, и Андреа вышла на сцену. Она возникла без предупреждения. У бара зашевелились, кто-то обернулся к сцене. Андреа высветил прожектор. Вокруг ее головы был обернут широкий темный шарф, капюшоном свисавший на лицо и закрывавший его целиком. Джек сидел недвижно в тени, парализованный воспоминаниями.

«Ах, она прикрылась! – простонал Фист. – А я-то ожидал полюбоваться чудесным черепом!»

На Андреа было облегающее платье с блестками. Она качалась в такт мелодии, блестки вспыхивали загадочным, недостижимым огнем. В воздухе плыл джаз, и саксофонный риф был словно поцелуй. Джаз-банд выводил вступление к песне, написанной самой Андреа. Она наклонилась к микрофону, чуть вздохнула, но звук вдоха потерялся в реверберации.

И Андреа запела.

– Господи, ну и публика... Эти люди недостойны слушать ее! – выдохнул Джек.

Усиленные аппаратурой слова плыли сквозь комнату, словно дым. Но большинство пришедших они не трогали. Одни продолжали болтать, другие флиртовали. Третьи пили, уставившись в пустующие стаканы. Блондинка прислонилась к колонне, рассеянно помешивая коктейль с ярким бумажным зонтиком в нем. Он крикливо выделялся на фоне ее темного платья. Казалось, девушка скучала.

Джек был единственным, кто восхищенно смотрел на сцену, полностью зачарованный музыкой. Он поднял стакан, отхлебнул. Крепкое пойло обожгло глотку, потянуло в прошлое. Пока стремительно пролетали дни их невыносимо краткого счастья вдвоем, он частенько сидел в подобных заведениях, потягивая дешевый виски Дока.

Джек всегда садился в глубине зала, вдали от сцены, всегда приходил и уходил, не заговаривая с Андреа. Они очень старались сохранить свою любовь в тайне – у Гарри повсюду были соглядатаи. После ее выступления они встречались где-нибудь в укромном месте: дешевом отеле, отдельной комнате ресторана – и обсуждали представление, а потом дни, прошедшие друг без друга. Джек никогда не мог отыскать слова, чтобы описать, как же глубоко и остро входили в его душу песни Андреа. Он даже бросил слушать свои записи – такие безжизненные, вялые в сравнении с вдохновенной, пронзительной силой живого человеческого голоса.

Джек позволил кубику льда выкатиться из стакана, скользнуть по языку. Холод отрезвил на мгновение, пробудил от рассеянной задумчивости. Внезапно он заметил очень слабое, но явственное мерцание в воздухе подле себя, едва различимый светлый контур на пустом соседнем стуле.

«А у меня прямо мурашки по хребту», – нервно хихикнул Фист.

Джек глянул на сцену, полагая, что отсветы идут оттуда. Но слабый свет рамп не мог даже рассеять сумрак в глубине зала. Тем временем светящийся контур рядом приобрел очертания сидящей человеческой фигуры. Может, сбой в сети? Но если и так, как же отключенный от сети человек может воспринимать его? Что-то тихо прошелестело. Какие-то слова? Призрак поздоровался? Черт, прямо мурашки по коже. Со сцены льется медленный, печальный блюз, Андреа почти шепчет в микрофон. Стало холодно. Подошла официантка, чтобы забрать стакан. Она что, заметила светящийся силуэт? Нет, похоже, не видит его.

Силуэт вдруг придвинулся, словно наклонился, желая поговорить шепотом. Едва различимый звук дыхания, будто эхо тихих слов Андреа. Кажется, призрак шепчет – но не разобрать ничего. Внезапно призрак распался, осыпался тысячью крохотных вспыхнувших осколков. Множество их попало на стол, на плащ, на пол, медленно тускнея. Показалось, будто призрак поцеловал Джека. Возможно, это новый вид фетча? Но мертвые не приходят без вызова. А вне сети невозможно вызвать их из Гробовых Драйвов.

«Ты видел?» – спросил он.

Паяц молчал.

«Ничего я не видел!» – вдруг огрызнулся он, поспешно прячась в глубине хозяйского разума, будто улитка в домик.

До Джека долетел его прощальный шепот: «Тут опасно, сматываемся!»

Интересно, что же могло так напугать боевого шута? Думать об этом не хотелось. Темный капюшон Андреа колыхался перед микрофоном. Шарф скрывал голый череп, но в тени его Джек воображал лицо Андреа, недостижимое, как прошлое. Но голос ее плыл в настоящем и трогал до глубины души. Какие, к черту, сомнения? С ней нужно поговорить. Обязательно.

Песня закончилась. Раздались редкие аплодисменты. Андреа запела снова. Стакан Форстера опустел. Джек хотел было заказать еще, но передумал: пока он пробирался бы к бару, Андреа могла бы его заметить и придумать способ избежать встречи. Форстер вытряхнул последний кубик льда в рот и сосал его, пока тот полностью не растаял.

Наконец выступление окончилось, Андреа ушла со сцены. Оглядевшись, Джек заметил, как пристально уставилась на него блондинка, сверля голодным взглядом. Похоже, она совсем не обращала внимания на окружающих. Мужчина, который появился за спиной девушки, казалось, тоже ни на что не обращал внимания: он брел вперед, сосредоточившись на паре причудливых коктейлей в руках. Джек хотел крикнуть, предупредить – но не успел. Мужчина врезался блондинке в спину.

Та замерцала, и – что такое? Мужчина прошел прямо сквозь нее и спокойно вручил коктейль подружке. А блондинка стояла как прежде. Иллюзия. Поразительно! Она лучезарно улыбнулась Джеку и медленно растворилась в темноте. Глаза исчезли последними.

На пути к сцене Форстеру пришлось пройти там, где стояла блондинка. От нее остался лишь запах озона и раздавленный коктейльный зонтик на полу – словно яркое перо, потерянное загадочной экзотической птицей. Зонтик замерцал и растворился в воздухе.

«Она точно из Пантеона – только они умеют так показываться», – донесся голос Фиста из глубин разума Джека.

«Наверное, это Заря. Она любит замаскироваться и ходить по барам».

«Нужно уходить!»

«Чего ты паникуешь? Наша встреча – чистая случайность. Мы с тобой – необычная публика. Неудивительно, что Заря захотела присмотреться».

«Чистая случайность? Мы вчера встретили ту полицейскую девку из любимчиков Зари, а сегодня – нате! – наткнулись на богиню? Не нравится мне все это. Слушай, тебе это вылезет боком».

Джек никогда не видел паяца настолько встревоженным.

«Я пришел повидать Андреа». Он твердо решил не отступаться.

Звук ее имени – как талисман, возвращающий уверенность.

«Так и повидай! – истерично взвизгнул Фист. – А она тебя пошлет подальше! И тогда наконец мы уберемся отсюда!»

У двери, ведущей на сцену, стоял здоровяк в дешевом костюме.

– Я хочу видеть выступавшую певицу, – обратился к нему Джек.

– Нельзя.

– Послушайте, я приехал издалека. Я... В общем, давний ее поклонник.

– А, ты из этих, – проворчал вышибала. – Ну, если ты хочешь выкинуть деньги на ветер, так можешь получить ее за свой столик на двадцать минут. И только перед ее вторым выходом. Потом она отправится прямиком в Гробовые Драйвы. Платить в баре.

– А где-нибудь наедине с ней можно повидаться?

– Эй, приятель, у нас не такое заведение.

– Да я просто поговорить хочу!

– Ясное дело, просто поговорить, – хмыкнул верзила. – Я потолкую с боссом.

Лицо вышибалы на секунду стало задумчивым, затем он сказал:

– Пустая гримерка за сценой. Учти – это влетит тебе в копеечку. И мы будем наблюдать.

Он стукнул кулаком в ладонь:

– И не вздумай ничего эдакого выкинуть!

Форстер заплатил.

«Если будешь так сорить деньгами, нам не на что будет жить!» – заныл Фист.

Вышибала провел Джека по длинному узкому коридору.

– Вот, третья дверь слева. Тебя уже ждут.

Выступавшие здесь изрисовали стены граффити. И бар-кодами. Если бы Джек был в сети, они уже вызывали бы рекламные ролики. Интересно, что бы там показывали? Хотя вряд ли появилось бы что-нибудь, кроме легкого проблеска на краю поля зрения. Антивирусы безжалостно дают такое.

Найти нужную гримерку оказалось легко, а вот уверенно постучать в дверь куда тяжелее. Секунда тянулась за секундой. А вдруг его обманули? Что ж, тогда он всего лишь потерял деньги Внуба.

Андреа крикнула из-за двери: «Входите!»

Комнатушка была крошечной. В ней едва хватало места для двух стульев и гримерного столика, за которым и расположилась Андреа. За ее спиной висело, поблескивая, настоящее концертное платье – копия виртуального на ней. Словно над темным шарфом – корона звезд.

– Закрой дверь.

Изогнувшись, Джек кое-как закрыл ее.

– Садись, – приказала Андреа холодно. – Я не хотела тебя видеть. И надеялась, что ты не станешь меня искать.

– Я должен был это сделать. В особенности когда узнал о... происшествии с тобой. – Он не нашел лучших слов, чтобы сказать о ее смерти.

– Когда-то, еще при жизни, я захотела легких быстрых денег и продала свой фетч нескольким маленьким клубам. Слишком бедным, чтобы рекламировать концерты в сети. Я всегда надеялась, что смогу выкупить права. Но умерла.

– При чем здесь клуб! Я хочу узнать о ней... То есть о тебе. Андреа, что с ней случилось? Почему ты не рассказала мне?

Он чувствовал себя плаксивым занудой. Андреа немного помолчала, затем пробормотала:

– Жаль, что я не могу курить. Сейчас самое время для сигареты.

– Андреа, пожалуйста! У меня всего двадцать минут с тобой.

– Джек, я знаю. Мне очень жаль. Но что я могу сказать тебе? Меня убили, я мертва. Все, точка. Конечно, я не могла рассказать тебе. Я стала всего лишь программой на сервере. Много ли утешения от программы?

«Ух, надо же, утешения никакого от программы! Вот сейчас обидно было!» – пропищал Фист.

– Но зачем тогда надо было писать мне? – спросил Джек, не обращая внимания на паяца.

– Знал бы ты, что она думала о тебе, что помнила! – Губы Андреа тронула полуулыбка. – Никакого сравнения с Гарри. Воспоминания о тебе были намного живее и ярче. Она держала их в секрете, хранила у самого сердца – и постоянно возвращалась к ним.

– Спасибо. – Джек вздохнул – и тронутый, и огорченный. – Но я все равно не понимаю, зачем ты отыскиала меня – и обманула.

– Ох, Джек...

Андреа протянула руку, коснулась его щеки. Обернула пустоту под капюшоном к нему, но он не увидел белого черепа. Лицо ее по-прежнему скрывала тень.

– У меня – все ее воспоминания. Я и есть ее воспоминания. Потому я скучала по тебе. Думала о тебе все время. Я ведь так и не поговорила с тобой. – В голосе Андреа звучала боль.

Ее рука осторожно погладила щеку Джека – и будто дунул легчайший ветерок, коснулся кожи невесомым перышком.

– Я думала, ты не вернешься на Станцию. Но я очень хотела узнать, насколько война изменила тебя. Хотела быть столь же близкой тебе, как и та Андреа, хотя вокруг все уже переменялось. А потом ты узнал о лицензии Фиста, тебе понадобилась поддержка – и я помогла.

Ее рука опустилась на стол.

– Я ведь знаю все о том, как примиряться со смертью.

Джеку захотелось сжать ее ладони, ощутить их тепло. Так странно хотеть подобного, сидя рядом с призраком.

«Эй, любовничек, а время-то идет», – напомнил Фист.

«Оно всегда идет».

– Паяц здесь? – спросила она, нарушив повисшее молчание.

– Да. И он не очень доволен происходящим.

«Чертовски верно, хозяин!»

– Он прячется у меня в затылке. Но если хочешь повидать его, я могу вытащить его наружу.

– Если он не хочет – не нужно, – сказала Андреа.

«Слава те господи! Не забудь разбудить меня, когда вдоволь нахлебавшись тоски по прошлому, и мы наконец-то свалим отсюда».

Джек заговорил не сразу. Как много его объединяло с этой женщиной, одновременно чужой и родной! Ее длинные, на несколько страниц, письма были глотком живой воды в пустыне. Они придавали сил. И сам он тоже всегда писал помногу – и Андреа всегда отвечала.

– Как же ты смогла писать мне?

– Ох, ты в своем амплуа. – Андреа отодвинулась. – Сразу за конкретное.

– Но это же невозможно!

Она рассмеялась безрадостно. На мгновение Джек представил, как ее губы складываются в грустную усмешку и вздрогнул, вспомнив, что под капюшоном – холодная белизна черепа.

– Я знаю. И это еще одна причина, по которой я не хотела встречаться с тобой.

– Ты о чем?

– Это Гарри. Он тоже возродился – но стал чем-то совершенно новым.

– Он не фетч?

– Нет. После смерти его пытались посадить в клетку. Так поступали с фетчами многих, помогавших Тотальности. Но он вырвался.



– Пантеон посчитал его террористом?

– Гарри? Террористом? – Андреа расхохоталась. – Господи боже, конечно же нет. Но он собирался доставить богам неприятности. Он снова открыл дело Бьерна Пендервилля – и его немедленно застрелили.

– А там – доказательства причастности Пантеона.

– Я-то всегда считала его умелым политиком, знающим, когда сменить курс. Но однажды он пришел домой разъяренный, сказал, что из него делают дурака. Мол, надо выяснить, на кого работал Пендервилль, и как следует прижать мерзавца. Наутро Гарри подал бумаги на открытие дела.

– Ты уверена, что есть связь между этим делом и смертью Гарри? – спросил Джек.

– Нас обоих убили тем же вечером.

– Черт! – вырвалось у него в сердцах.

– Гарри теперь часто говорит о деле, – продолжала рассказ Андреа. – Он раскопал многое после своей смерти. Ты помнишь Ауд Ямату? Рабочую доков, которую последней видели на месте, где застрелили Бьерна?

– А, та, с железным алиби?

– Та, кого ты считал убийцей Пендервилля. Джек, ты почти добрался до нее, до хозяина «Царь-пантеры» и их покровителя из Пантеона. Когда Гарри снова взялся за них, они всполошились и... – Андреа нацелилась на Джека указательным пальцем, затем согнула его, словно нажимая на курок. – Бах!

– Хорошо, но как это связано с твоей способностью писать мне?

– Гарри нужен кто-то, с кем он может говорить. Он доверяет мне. Когда он малость обжился – вызвал меня, помог отключить мои ограничители, и мне не нужно больше возвращаться на Гробовые Драйвы. Я собралась с силами – и нашла твой адрес.

– О черт, Андреа! А я-то думал, только мне боги покорежили жизнь. Ты кому-нибудь рассказывала об этом?

– Я не хочу, чтобы пострадал кто-нибудь еще. Потому я и не хотела, чтобы ты искал меня. Никто не должен даже и заподозрить, что ты лезешь в дело Бьерна. У тебя осталось так мало времени. Я не хочу, чтобы убившие нас отняли у тебя последнее.

– А что Гарри? Он не может явиться во Внуб?

– Он продвинулся сам, насколько смог. А коллегам он не доверяет. Гарри очень уязвим, хотя и не хочет признавать этого. Я уязвима тоже.

– Тогда зачем ты рассказываешь это все мне?

– Джек, ты очень много значил для меня. И значишь теперь. Знаешь, мне хочется прыгать от счастья, потому что ты отыскал меня. Я решила ничего не скрывать от тебя. Больше – ничего.

Джек оцепенел, будто пронизанный током. Призрак Андреа мерцал перед ним – воспоминание, ставшее явью. Так хотелось обнять ее, прижать к себе, поцеловать – но протянутые руки встретят лишь пустоту. Горько и страшно видеть ожившую память любимой, давно мертвой женщины.

И что ей сказать? Что?

– Меня предупредили: время почти истекло, – нарушила молчание Андреа.

– Сколько осталось?

– Чуть больше минуты.

Она наклонилась к нему, положила ладонь на колено. Темный шарф приблизился вплотную к его лицу.

– Джек, я очень не хочу, чтобы ты впутывался в дело Гарри. Нас убили, ты потерял семь лет жизни. Хватит потерь.

– Я и так скоро умру. И вряд ли расскажу кому-либо о твоём участии в этом деле.

– Джек, нет. Замахиваться на Пантеон бесполезно. В оставшееся время лучше помирись с родителями – и спокойно уйди.

– Я уже сыт по горло отчаянием и покоем.

– Ты правильно сделал, отказавшись воевать в Войне программ. Откажись и от этого дела.

Она приложила палец к его губам. А он был уверен, что и в самом деле ощутил прикосновение.

– Джек, я люблю тебя. Но наше время уже ушло. Прости, но мы больше не увидимся. Так лучше для нас обоих.

– Андреа, я...

– Прощай, Джек.

Она исчезла.

«И правда, опасно же! – рявкнул Фист. – Держись подальше от этого дерьма!»

«А разве ты не хотел бы помериться силой с богами?»

«Только не со связанными за спиной руками!»

Джек не сразу пришел в себя. Он услышал, как на сцене снова запела Андреа, но у него не хватило сил пойти в зал. Слушать ее было невыносимо. Он не выдержал бы. И потому он дождался, пока музыка стихла.

Проходя через клуб, Джек увидел Зарю. Сидя на коленях ранее прошедшего через нее мужчины, она впиалась в его рот страстным поцелуем. Богиня уже не старалась маскироваться и сделалась узнаваемой. Подружка мужчины наблюдала за происходящим с благоговейным ужасом. Интересно, что она видит сейчас? Наверное, для нее сейчас все сверкает и преобразается. Заря всегда дарила от души. Этот мужчина изменится навсегда. В сети он станет элегантнее и шикарнее, на него устремится множество взглядов – и потому он станет реальнее, живее большинства окружающих. Для него откроются новые пути и перспективы. А девушке придется искать другого.

Публика в баре наконец поняла, кто явился к ним. Собралась толпа. Заря опустила руку вниз, нащупала ширинку счастливицы.

«Вот такие они, боги, – заключил Фист. – Чего захотят – вынь да положь. И там, где они пожелают!»

В этот момент Джек и решил окончательно.

«Слушай: я отыщу бога, учинившего такое дерьмо с нами. И разнесу в пух и прах», – пообещал он.

## Глава 10

Фист матерился всю дорогу. Вернувшись в комнату отеля, Джек сделал попытку обсудить с паяцем их дальнейшие действия. Поначалу тот даже отказывался слушать. Затыкал пальцами уши и улюлюкал. Но постепенно он успокоился, и тогда Форстер попробовал снова.

«Все просто: мы идем в „Царь-пантеру“, ты взламываешь их локальную сеть, мы копируем все записи – и готово, – поделился он своим планом. – Все делается из мест, доступных для обычных посетителей. Может, нам даже не придется заходить в клуб».

«А если тебя кто-нибудь узнает?»

«Я был секретным оружием Внуба. Меня не раскрывали. Я к „Царь-пантере“ никогда не приближался».

Паяц заинтересовался только тогда, когда понял, насколько трудным окажется определить тех, кто стоит за спиной Ахматова и прикрывает его самые сомнительные дела.

«Фист, потребуется несколько недель, чтобы проанализировать данные. А может, и больше».

«И что, нам в самом деле не потребуется выходить из отеля?»

«Почти совсем. Я только загляну к отцу. А кроме этого, выбираемся только поесть».

«О, супер! Никаких проблем. Прямо сказка!» В голосе паяца слышалась неприкрытая издевка.

Джек решил зайти с другой стороны.

«Конечно, забраться в их сервера будет очень непросто, – тяжело вздохнул он. – Защита там невероятно мощная».

«Мощная защита? В гребаном ночном клубе? Джек, ты шутишь?»

«Если ты считаешь, что это тебе не по силам, я пойму».

«Господи боже, ты что, забыл, кто я?!»

«Забудешь тут...»

«Только приведи меня поближе к ним, я их трахну в задницу, и всех делов! Они и не заподозрят, что я пошуровал в их хозяйстве».

Пререкания с паяцем измотали Джека, но заснуть он не смог. Наконец его охватило тревожная полудрема. То проваливаясь в забытие, то выныривая снова, Джек вдруг увидел, как явился Фист и на цыпочках прокрался на середину комнаты. Наверняка он посчитал хозяина отключившимся намертво. Под ногами паяца раскрылось окно – темный пруд, сверкающий звездами. Фист глянул вниз, затем – на кукловода.

– Этот сонный малыш скоро заснет крепко-крепко, – прошептал паяц. – Навсегда!

Он хихикнул, охватил себя кургузыми деревянными ручками и затрясся от беззвучного смеха. Затем он прыгнул и заметался по комнате. Размахивая руками и ногами, он катался по полу, скакал по потолку и стенам, напевая шипящим шепотком песенку, которая и много дней спустя являлась Джеку в кошмарах:

– Король умрет – да здравствует король! Хозяин уснет – я буду король! Эй, Стуки Билл, ты помнишь меня? Встречай, Стуки Билл, меня – короля!

Имя Стуки Билл Джек не слышал со времен Войны программ. Стуки Билл был куклой чревоушателя в двадцатом столетии. Первая человеческая телепередача запечатлела именно эту куклу. Когда коллеги Фиста обнаружили Билла, то пришли в неистовый восторг. Их виртуальный предок стал предметом благоговейного поклонения, почти богом. Фист обозвал коллег наивными идиотами, но образ Стуки Билла сильно подействовал и на него.

Джек содрогнулся. Нет, не стоит мешать паяцу, показывать, что догадываешься о его диком веселье. Форстер изобразил сонное ворчание, затем перевернулся на другой бок, не желая видеть страшный спектакль. К чему затевать скандал? От Фиста никуда не деться. Един-

ственный доступный способ мрачен и бесполезен и не даст прожить спокойно остаток дней. Лучше уж терпеть и уживаться. К тому же паяц – могучее оружие. Чтобы отыскать убийц Гарри и Андреа, обнаружить тех, кто отправил самого Джека в изгнание, нужны помощь и понимание куклы.

Наконец сон сжалился над Джеком. Но лицо Фиста явилось в кошмаре. Фальшивое лицо куклы кривилось в жуткой ухмылке, рот клацал, выстукивая слова: «Скоро я – король, скоро – он мой!» Слова преследовали Джека всю ночь, и прервал их лишь будильник, вернувший его в болезненную явь. Фист сидел на краю постели, наблюдая за хозяином.

«Вижу, беспокойная выдалась ночка», – насмешливо пропищал он, перекрывая резкое гудение зуммера.

Тогда Джек наконец схватил паяца и наглухо запер его в темных глубинах мозга.

Поздним вечером они отправились в «Царь-пантеру». Улицы Дока были пустынные. Те, кто надрывался на фабриках и горбился над документами в офисах, уже давно разбрелись по домам. Мимо прокатился фургон. Его электрический движок натужно выл, надрываясь от тяжести груженного металлоломом прицепа. На ходу Джек посмотрел на Хребет, представил закованного ворона – нынешнюю эмблему Сумрака – и пожалел, что не видит ее. Да, Сумрак пал низко. Впервые узнав о его низвержении, Джек ощутил мстительную злобную радость и живо вспомнил ее теперь. Возможно, вскоре удастся сокрушить и другого бога. Форстер улыбнулся.

«Царь-пантеры» он достиг через три четверти часа.

«И эта убогая халупа принадлежит Пьеру Ильичу Ахматову? Человеку, который ведет темные делишки с Пантеоном? Матьер Божья, Джек, если человек и в самом деле меряется по его врагам, тебе уже ниже падать некуда...»

Они стояли на другой стороне улицы и смотрели на клуб: длинный барак из желтого фосфоресцирующего пластика. Над красной двустворчатой дверью – единственной в здании – красовалась грубо намалеванная от руки надпись «Царь-пантера». Подростки в сетевых лохмотьях разной степени живописности толкались перед ней в длинной очереди. Кое-кто, правда, был одет дорого и со вкусом. Наверняка гости из Дома, решившие пощекотать нервы развлечениями в трущобах. У дверей дежурили джентльмены в дорогих костюмах и с бычьими шеями.

«А чего вы тогда просто не вломились сюда?»

«Мы готовились. Но я должен был довести расследование до конца. И сделать это мог только я. А меня выслали в космос».

«О-о, понимаю, мистер Самый Главный!»

Джек подождал, пока мимо протащился, завывая, еще один фургон, затем пересек улицу и пристроился в хвост очереди. Фист повисел немного в воздухе и поплыл следом, качаясь, будто воздушный шарик на веревочке.

«Можешь уже видеть ядро их системы?»

«Нет, нужно подобраться ближе. Туда, где самая жара!» – самодовольно приказал Фист.

Насколько теперь можно доверять Фисту? Джек задумался. Чем ближе паяц к власти над телом хозяина, тем он становится капризнее.

«Слиться с толпой! Веселиться до упаду! Таких я хочу ночей! – глумливо хихикал паяц. – Шампанского и устриц! Хо-хо!»

«Помни: у нас дело, а не развлечения», – осадил его Джек.

Форстер выглядел не намного старше юнцов из очереди. Большинство их преждевременно состарили выпивка и наркотики. Очередь была вне себя от того, каким клуб виделся в сети.

– Ах, пантеры прекрасны! – восторженно выдохнула девушка впереди, вороша пальцами невидимую шерсть.

«Мы вошли в их защитный периметр», – уже серьезно объявил Фист.

Затем он сосредоточился и на мгновение исчез из мыслей хозяина.

«Ага, начнем с того, что прикинемся вышибалой. И пропингуем систему насчет того, сколько там живых душ».

Снова напряженная тишина. Затем – зевок.

«Ну, совсем просто».

«Фист, не будь так самоуверен».

«Самоуверен? Да тут единственная серьезная проблема – не заснуть от скуки. В общем, внутри пара сотен трясун и человек двадцать персонала. Почти все – на первом этаже и в подвале. Наверху – только один».

«Возможно, сам Ахматов?» – предположил Джек.

«Без охраны? Я думал, это у меня деревянная голова».

«Ты можешь добыть данные отсюда?»

«Нет. Ядро коммерческих серверов – на втором этаже. Их держат отдельно от клубной сети. Нужно подойти ближе».

«Разумно. Иначе половина здешних вундеркиндов ломала бы их ради бесплатной выпивки».

Очередь двигалась. В тусклом свете ламп стены клуба казались цвета рвоты после дешевого попойки. Каждый раз, когда двери распахивались, запуская порцию гуляк, наружу вырывался бухающий ритм.

«Почти прибыли, – заметил Фист. – Смотрю, здесь не слишком щепетильны насчет фей-сконтроля».

Джек нащупал в кармане карточку Внуба.

«Будем надеяться, что тебя не узнают. Не хочу, чтобы тебя отметили вышибалы. Береги тело!» – насмешливо бросил паяц.

Джек посматривал искоса на верзил у двери. Кажется, никто не обращал на него особого внимания. Несколько видеокамер над дверью задержались на нем лишь на долю секунды. Еще минута – и паяц с хозяином оказались за красными дверями. Вышибалу не заинтересовало то, почему клиент не в сети.

– Только не затевай ничего! – предупредил громила.

Девушка за кассой взяла карточку без единого вопроса.

«Я же говорил тебе: никаких проблем, – с деланным равнодушием отозвался Джек, стараясь не выдать, какое испытал облегчение. – У Ахматова есть клубы классом гораздо выше. Вот туда бы мы вряд ли прошли».

В черном коридоре смердело бросовым пойлом и дешевым дурманом. Мимо торопливо прошагали гуляки, скрылись за створками дверей впереди. Из-за них вырвался свет, накатила плотная волна грохота и визга, однообразный низкий ритм, уже слышанный снаружи, плюс высокая частота.

«ВОТ ЭТО ДРАЙВ! – заверещал Фист. – НАСТОЯЩИЕ ТАНЦЫ, А НЕ ЧАРЛЬСТОН, МАТЬ ЕГО!»

«НЕ НАДО ОРАТЬ! А надо немного динамической калибровки. Вот так, да».

Джек пошел к дверям впереди. Подошвы заметно липли к полу.

«Ахматов явно считает уборку здесь пустой тратой денег, – сморщился паяц. – Господи, ну и ковры!»

«Кто вокруг? Охранники есть?»

«Ближайший – с другой стороны главного танцзала. Тут есть виртуальные вышибалы, но о них беспокоиться нечего».

«А тип на втором этаже?»

«Он не шелухнулся».

«Не исключено, что это сам Ахматов. Теперь давай поближе к серверам».

Главный танцзал был свирепым тайфуном звука, цвета и движения. Джека эта какофония подавила и обескуражила – а ведь он был не в сети. Вокруг скакали, пьяно и бессмысленно ухмыляясь, неразличимые, безымянные, слившиеся в экстазе люди. От жары и духоты Джека бросило в пот, не успел он добраться и до середины зала. Его истыкали локтями от головы до поясицы. К концу пути он взмок и покрылся синяками.

«Фист, ну как?»

«Пока ничего, сигнал слишком слабый».

«Господи боже...»

Они промучились еще с полчаса. Джек опять усомнился в честности паяца и вспомнил ликующий танец прошлой ночи. Фист не казался тем, кто только что согласился на опасное задание, но скорее тем, кто решился не рисковать вообще.

«К черту! – разозлился Форстер. – Отсюда мы не достаем. Надо подняться наверх».

«Джек, мне всегда нравилось твое чувство юмора, – рассмеялся паяц. – Мы старались, как могли, ничего не получилось, очень жаль. Пора уходить».

Форстер двинулся к лестнице, перегороженной веревкой и табличкой со словами «Прохода нет».

«Джек, выход с другой стороны. Разворачивайся».

«Я знаю, куда иду».

«Джеки, мальчик мой, кончай шутить».

Форстер молча протолкался сквозь группу особенно энергичных танцоров. Один возмущенно заорал, но слов было не разобрать.

«Ты что, на самом деле не понял? Джек, ты свихнулся? Тебя отметелят. И это самое малое».

«Это как тогда, когда самые гнусные тюремные типы явились ко мне из-за твоих карточных талантов? Думаю, здесь вряд ли будет хуже».

«Но я же тогда не знал, что ты достанешься мне!»

Они вышли в коридор. Пока Джек поднимался по лестнице, Фист обиженно молчал. На площадке между пролетами он взвыл жалобно:

«Подумай про Андреа! Если тебя поймают, они ж пойдут за ней!»

«Мы держали наши отношения в тайне, мы никак не связаны. Что бы ни случилось, она в полной безопасности».

В ноздри ударил запах дезинфицирующего средства. Пару дверей впереди помечали короткие бар-коды, один – в форме женщины, другой – мужчины. На третьей двери под ручкой имелась панель с кнопками.

«Обычный замок! С ним я ничего не поделаю, – обрадовался Фист. – Все, хватит играть во взломщиков. Уходим!»

«Прочитай данные кого-нибудь из персонала. Добудь код замка».

«Я могу засветиться. Это опасно!» – заскулил паяц.

«Ты обязательно засветишься, если я спущусь и расскажу охране, зачем мы здесь. А я так и сделаю, если ты не начнешь мне помогать. Фист, открой замок – или я постараюсь, чтобы из нас обоих сделали котлету».

Фист выругался и зажмурился, потом слегка вздрогнул. Джек представил, как сознание паяца скачет от вышибалы к бармену и диск-жокею, касаясь их виртуальных оболочек, выискивая уязвимые щели.

«Я помогаю тебе лишь затем, чтобы убраться отсюда как можно скорее». Паяц открыл глаза.

«Разумеется».

«И я всерьез тебе говорю: не делай этого».

«Наверху только один человек. Мы его обойдем. Итак, код?»

«2754»

«Легко и просто, правда?»

«Мать твою!»

Они шагнули за дверь – в роскошь.

«Сигнал есть?» – спросил Джек.

«Он здесь сильнее».

«Тогда приступай».

Коридор устилали толстые светло-серые ковры. Неяркие фонари на полу высвечивали пастельных оттенков стены, усаженные иероглифами. Наверняка это сетевые адреса картин либо статуй. Интересно, каких? Когда Джек занялся расследованием ахматовских дел, он присутствовал на беседах с несколькими молодыми художниками Станции. Ахматов любил являться без предупреждения в студии и покупать за сногшибательную цену одну-две лучшие работы. Само собой, художники либо не хотели, либо не могли рассказать ничего существенного про загадочного мецената. А он приглашал их на эксклюзивные шоу, обеспечивая себе репутацию человека с хорошим вкусом, а своим вечеринкам – славу изысканных, модных, стильных и авангардных. Его заведения стали самыми популярными в Доке и даже обзавелись постоянной клиентурой из Дома.

Несомненно, вызываемое кодами на стенах услаждало посетителей звуками и образами с серверов «золотой молодежи» искусства Системы. Несомненно, Ахматов продолжал покровительствовать ей, продолжая оставаться на переднем фронте художественной моды – и, конечно же, в фаворе Зари. Она рождала и глушила модные поветрия. Ее интерес и благосклонность были необходимы для успеха. Любопытно, не ее ли след за счетами «Царь-пантеры»? Она ведь была близка Сумраку.

Скоро Джек Форстер узнает ответ.

«Я начал диалог с серверами!» – доложил Фист, прервав мечтания хозяина.

«Ты вошел?»

«Частично. Уже забрался в основные слои!» – пропищал паяц, в азарте забыв недавнее раздражение.

«Кто на этаже?»

«Ахматов. Похоже, он спит».

«Очевидно, вечер трудного дня».

На мгновение Джек вспомнил свои лучшие времена с паяцем: ощущение того, что к тебе прикреплено нечто, неизмеримо превосходящее твои силы, ступающее за пределы твоего разума, чтобы совершить невозможное.

«Есть инфа на него?»

«Очень схематично. Так, самое общее. Он умеет прятаться – но не от меня, конечно. Самое смачное глубже. Нужно подобраться к его серверу. Вторая дверь налево».

Фист поскакал впереди хозяина по коридору. Дверь украшал в особенности сложный глиф в форме тигра. Не заперто. Джек вошел на цыпочках, осторожно притворил дверь за собой. Вокруг – крошечная темень.

«Отлично», – прокомментировал Фист.

И тогда вспыхнул свет.

Ахматов, одетый в элегантный белый костюм, сидел за большим каменным столом. Бледное лицо, черные с проседью волосы. Идеально симметричные усики над полными, четко очерченными губами. Во рту – зажженная сигарета, глаза спрятаны за круглыми черными линзами очков. И четверо людей в черном, стоящих подле Ахматова. Двое слева, один справа, один позади. И у всех – одно лицо. Перед столом – кожаное кресло.

Сервера в комнате не было.

– Знаешь, Джек, я всегда считал, что столь грубый взлом не в твоём стиле, – сообщил Ахматов, выпустив струйку дыма. – Наверное, ты слишком долго был вдали от нас. А твоего малыша так легко одурачить!

«Вот дерьмо! – прошипел Фист. – Чертова клетка!»



## Глава 11

– Сколько лет, сколько зим! И вот наконец мы встретились, – изрек Ахматов.

«Фист, в чем дело?» Мысли Джека путались.

«Он меня провел, – простонал паяц. – Я ЖЕ ГОВОРИЛ ТЕБЕ – ДУРАЦКАЯ ЗАТЕЯ!»

– Твой малыш чересчур хвастлив. – Ахматов задумчиво рассматривал кончик сигареты. – Я взломал часть твоих сетевых входов. Программы клетки должны были помешать мне, но, кажется, кое-кто проделал дырочку изнутри. Ах, шалунишка!

«Он учинил перезагрузку моих сетевых портов! – проверещал Фист. – Клетка реагирует на это как на потенциальный взлом. Я не могу появиться, я полностью закупорен! Теперь ты – сам по себе. Удирай! Не позволяй ему покалечить тебя!

«Нас тут же схватят вышибалы».

– Ба, но где же мои манеры? – риторически спросил Ахматов и взмахнул рукой. В воздухе остался тонкий след табачного дыма. – Прошу, садись!

Охранник ступил ближе, указал на кресло. Что тут поделаешь? Джек сел. Вытертая кожа кресла подалась зазывно и мягко под весом гостя, вздохнула, испустив застарелый запах сигар и роскоши.

– Впечатляет? А на самом деле всего лишь пластик. Отлично запрограммировано. – Очки делали Ахматова похожим на насекомое.

– Чего вы хотите? – спросил Джек, с трудом перебарывая страх.

– Скажем так, твое возвращение вызвало много волнений – по крайней мере, в моем кругу. И более того, меня предупреждали не встречаться с тобой. Оставить в покое, позволить твоей лицензии мирно истечь, тебе – умереть, а твоему паяцу – сесть за руль. – Ахматов коротко хохотнул и продолжил: – Но меня всегда злила необходимость выполнять приказы. Думаю, ты меня понимаешь.

Он наклонился, внимательно рассматривая Джека.

– Увы, я не вижу в тебе понимания. Джек, есть существа, повергающие в ужас даже меня. Ты весьма тесно общался с Сумраком и знаешь, о чем я. И кое-кто из них сейчас смертельно боится вот этого человека. – Ахматов ткнул пальцем в Джека. – И заводного кукушонка в его голове.

Ахматов откинулся на спинку кресла, не сводя прищуренных глаз с Форстера:

– И вот этого-то я и не понимаю.

Хозяин клуба пытливо смотрел на непрошеного гостя. Но тому нечего было сказать. Форстер лишь пожал плечами и, надеясь, что голос прозвучит дерзко и вызывающе, обронил:

– Откуда мне знать, с чего это они перепугались?

– Ах, ты все такой же старый добрый простак. Джек, я внимательно наблюдал за тобой, когда ты пытался сплести паутину вокруг меня. Это были, должен отметить, весьма интересные комбинации. Конечно же, мне был известен каждый твой шаг.

Джека известие обескуражило. И удивило искреннее уважение, прозвучавшее в голосе врага.

– Пьер, я бы взял вас, – сказал бывший бухгалтер Внуба. – Еще месяц-другой – и взял бы. И вашего покровителя вместе с вами. Возможно, этого они и боятся.

Вспомнив свою работу, свою сноровку и умение, Джек ощутил себя увереннее. И даже расслабился. А может, как-нибудь использовать очевидный интерес Ахматова? Положиться на свои способности. Джек всегда был самым точным и аккуратным из аудиторов Сумрака – и задолго до того, как Фист выкарабкался из его подсознания в процессорный модуль, тесно прижавшийся к шейным позвонкам.

– Ох, нет, Джек. Ты бы не смог и тронуть нас.

– Вы уверены? Мы знали, что Бьерн Пендервилль работал на вас. И собирались доказать, что вы приказали Ауд Ямате убить его. К тому времени я проанализировал большую часть вашей сети. Я знал, когда прибывает ваш товар, как вы использовали код, позволяющий не замечать потоконов, чтобы сделать груз невидимым, знал ваших дилеров и то, как они передают вам деньги и как вы отмываете их. Мне стало известно даже то, как вы платили поставщикам.

– Чертова сука Ауд! – рыкнул зло Ахматов.

Он помолчал немного, успокаиваясь.

– Впрочем, не будем отвлекаться. Твое расследование было весьма впечатляющим, но ты упустил главное.

– Бога-покровителя Яматы? Я увидел следы. Они бы вывели меня к нему. И тогда мы с Гарри завершили бы расследование.

– И низвергли бы бога. Знаешь, я верю: ты бы смог. Вне сомнений, ты был суперпрофессионалом. Возможно, самым лучшим. Ямата и ее хозяин видели в тебе главную угрозу и хотели твоей смерти. Должно быть, Сумраку пришлось постараться, чтобы выхлопотать тебе настолько легкое наказание. А что касается Гарри... Ты знаешь, как пришлось поступить с ним.

Ахматов медленно, с удовольствием сложил пальцы в подобие пистолета и нацелился на Джека. Большой палец опустился, будто курок.

Бах!

«Джек, вот же дерьмо! Он хочет убить тебя!»

– Внуб наблюдает за мной. – Джек старался, чтобы голос звучал уверенно. – Если я умру, они захотят узнать почему. Они быстро доберутся до вас.

– И снова покровитель Яматы уведет их от меня, – рассмеялся Ахматов. – Но можешь вздохнуть с облегчением: у меня связаны руки. Меня весьма настоятельно просили не портить маленького человечка и его будущую собственность. На это дивное оружие есть кое-какие планы.

«Вот прямо камень с души снял», – буркнул Фист.

«Рано радуешься. Тут чем дальше, тем страшнее».

– Клыки моих пантер глубоко ранят разум, но не оставляют следов на теле, – продолжил хозяин клуба. – Насколько глубоко – тебе предстоит выяснить самому.

«Ха! Никаких побоев! Уйдем целехонькими!» – возликовал паяц.

«Все равно будет больно».

«Джеки, малыш, ну что тебе стоит немножко потерпеть? Выживешь. А может, заодно научишься держаться от греха подальше».

– Я опустошу тебя и разрушу твой разум, не касаясь твоего тела. А потом покажу тебя моим покровителям и рассмеюсь. Тогда, возможно, они станут чуть меньше бояться твоей куклы – и чуть больше уважать меня. И моя жизнь станет чуть легче.

Ахматов артистично и странно взмахнул левой рукой – и к Джеку повернулись четыре матово-черных лица. Затем они изменились, и комната изменилась тоже. Опустился туманный сумрак, пронизанный лунным светом. Запахло терпко и сильно сырой землей и молодой зеленью. В листве зашелестел ветерок. Луна осветила невысокие деревья, оплетенные лианами, тянущиеся к пустому небу над головой.

– Ахматов? Где вы? – Джек озираясь в полумраке.

«Вот же хитрая сволочь!» – процедил паяц.

Форстер вскочил. Кресло исчезло. Вокруг расстилалась лесная поляна. Ночь наполняли звуки мелкой живности. Громко стрекотали, жужжали, скреблись и пищали насекомые. Вдруг запели птицы. Где-то вдали раздался визг. Джек вспомнил, как играл с виртуальными моделями обезьянок Старой Земли. Когда те пугались, то широко разевали пасть и выпускали пронзительный визгливый вопль. Слева зачирикала испуганно стайка мелких птиц, снялась и, трепеща крыльями, скрылась в сумраке.

В лесу мелькнул темный силуэт. Человек? За спиной зашелестело. Сбоку что-то шевельнулось.

Его окружали. Тени скользили на краю леса. Вот еще одна – словно лунный отблеск на черной воде. Тень прыгнула, преобразаясь на лету: руки сжались, голова вытянулась, тело словно растеклось, теряя всякое сходство с человеческим. Мягко приземлившись на четыре лапы, тень растворилась в темноте.

«Ужас какой!» – пробормотал Фист.

Джунгли умолкли. Форстер обернулся, пытаясь вспомнить, где дверь. Включились генераторы влажности, лица коснулся жаркий, липкий ветер. Да, иллюзия на диво убедительная. Джек не сомневался: окружившие его сторожевые боты – не худшего качества. Когда-то ему думалось, что заполнять мир иллюзиями – это и есть предназначение сети. Теперь иллюзии казались преступлением.

«Совсем ничего не можешь сделать?» – осведомился Джек.

«Моя клетка словно взбесилась. Этот урод свое дело знает», – пожаловался Фист.

За спиной зарычала пантера. Джек резко обернулся и увидел пятно пустоты, будто окно в межзвездную черноту. У щиколотки дохнули жарко – еще одна громадная кошка подобралась слева, ползком. Она лизнула ногу и отпрыгнула. Язык пантеры – будто наждак.

«Черт! Я почувствовал!» – изумленно прошептал Фист.

Третья пантера свернулась в развилке сука, нависающего над поляной. Четвертая, несомненно, притаилась за спиной. На поляну ступил Ахматов – безупречный джентльмен среди ночных джунглей. Белая ткань костюма и бледная кожа сияют в лунном свете. Черные очки – как пара мертвых солнц.

– Понимаешь теперь, почему я назвал свой клуб «Царь-пантера»? – осведомился хозяин клуба.

Тварь зарычала. От смрада из ее пасти у Джека перехватило дыхание.

– Эти иллюзии гораздо совершеннее, чем те, что были семь лет назад. Мои гости отлично знакомы с этими зверушками. Они бродят по залу, предотвращая беспорядки. С моими кошками не задирался никто и никогда. Интересно, сумеешь ли ты развлечь их?

Пантера прыгнула. В грудь Джека ударило тяжелым, мягким. Боль взорвалась в правом плече, ребрах, бедре. Он зашатался, упал набок. Когти не отпускали, драли, резали плоть. Иллюзия была невыносимо болезненной.

«Гребучее дерьмо! – заверещал Фист. – Я ВСЕ чувствую! Говнюк законтачил наши рецепторы!»

«Останови их!»

«Если б я мог!»

Клетка ярко вспыхнула и тут же погасла – Фист атаковал и не смог пробиться. Когтистая лапа ухватила Джека за плечо, резко перевернула его на живот. Другая уперлась ему в затылок, вдавила лицо в землю. Острия когтей вонзились в спину и рванули плоть, заживо сдирая мясо с костей. «ГОСПОДИ!!!» – заорал Джек и поперхнулся землей.

Фист зашелся криком. Снова вспышка ярчайшего света – и ничего. Очередная атака не удалась. Навалившаяся на спину тяжесть вдруг исчезла – и с нею ушла боль. Джек вспомнил, что он всего лишь в иллюзии, его тело в целости. Но спустя несколько секунд боль обрушилась снова, вместе с тушей терзающей его плоть пантеры.

«УБЛЮДОК! – заорал Фист. – УБЛЮДОЧНЫЙ УБЛЮДОК! Я ТЕБЯ ДОСТАНУ! ДОСТАНУ!!!»

– Твой парнишка в клетке, – заметил Ахматов. – Мои кошки голодны. А ночь еще только начинается.

– Мать твою! – закричал Джек в темноту.

Джунгли тревожно шептали вокруг, будто подпевая боли.

## Глава 12

Спустя час с небольшим Джека выпихнули из «Царь-пантеры». Очередь стала гораздо длиннее. Шатаясь, Форстер с трудом протолкался сквозь нее. Оказавшись на дороге, он не удержался на ногах и рухнул наземь. Вслед ему полетела ругань и пустая банка. Она больно ударила его в спину и отскочила. Джек неуклюже поднялся на ноги.

– Чертов пьянчуга! – крикнула какая-то девушка.

Джек моргнул, дернул головой налево, потом направо. Наконец отыскал взглядом крикнувшую и развернулся в ее сторону всем телом.

– Я тебе шею сверну, ты, чертова сука! – Язык у него заплетался, слова вырывались изо рта с шипением.

Девушка хихикнула.

– Не смей ржать! Я тебе покажу! – рыкнул он, шагая к ней.

Ноги его почти не сгибались в коленях и двигались, будто одеревенелые.

– Я отключу тебя от сети и вытрахаю все твои данные! – Форстер протянул к ней руку.

– Полегче, приятель, только попробуй! – Какой-то мужчина ступил вперед, заслонив девушку.

– И попробую! – Голос Джека сорвался на визг. – Я – неприкасаемый!

Пошатываясь, он шагнул к мужчине и вскинул кулаки.

Вдруг перед ним возникли три агента Внуба. Один принялся успокаивать девушку и ее знакомого, двое других схватили Джека.

– И что это вы делаете? – заверещал он. – Они оскорбили меня! Меня!

Полисмен заломил ему руки за спину, защелкнул наручники на запястьях. Другой повел его к полицейскому флаеру на другой стороне улицы. Выражение лица Джека мгновенно изменилось, словно его владелец выбрал одну из немногих доступных ему гримас.

– Что случилось? Куда вы меня тащите? Я знаю свои права! Вы не понимаете, с кем связались?! – Лицо Джека вместо праведного гнева выражало крайнее удивление.

У флаера, после короткой потасовки, Форстер вырвался и бросился наутек. Выражение его лица снова резко переменялось – теперь на нем было написано безумное блаженство. Он бежал неловко, едва сгибая оцепенелые ноги. Преследователи двигались гораздо быстрее. Его догнали, схватили, и он грохнулся наземь. Из рассеченной щеки закапала кровь, пачкая одежду. Однако Джек словно ничего не замечал.

На этот раз он позволил усадить себя во флаер. Дверь с лязгом захлопнулась, полисмены забрались на передние сиденья, и флаер взмыл в воздух. Джек ощутил, что рядом на заднем сиденье кто-то есть, повернул резко голову, замер, открыл глаза, снова закрыл. Лицо его стало совершенно равнодушным, пустым.

– Привет, Хьюго, – сказала лейтенант Корасон. – Я даже представить не могу, сколько законов ты нарушил, разгуливая в теле Джека.

– Я не Хьюго, я Джек.

– Хьюго, не вешай мне лапшу. Тебе же будет хуже.

– Мне пришлось! – плаксиво возопил Джек, а вернее – Фист.

– Ты управляешь его телом. Это нарушение законов Станции, а также твоей инсталляционной и пользовательской лицензий.

– Его мучили! Он отключился!

– То есть был повод считать, что его жизнь в опасности?

Повисло молчание. Вокруг потемнело – флаер влетел в Бородавку.

– Я спрашиваю: верил ли ты, что его жизни угрожает опасность?

– Нет.

– Вы вломились в ночной клуб «Царь-пантера», вошли в личный кабинет Пьера Ахматова. Его системы безопасности сообщили нам о взломе. Мы получили сигнал и от программ твоей клетки.

– Я же просил его не вламываться!

– И что с того?

– Мы расследовали преступление. Ахматов – мошенник!

– Да. Но в данном случае преступили закон вы.

– Программы Ахматова чуть нас не угробили!

– Зная, на что он способен, могу тебя заверить: вы отделались очень легко.

– А с какой стати ты вмешалась? Я б доставил хозяина домой.

Лицо Джека вдруг расплылось в усмешке: Фист переключил выражение, надеясь задобрить Корасон. Та вздрогнула – насквозь фальшивая гримаса показалась жуткой.

– Вы оба у Лестак на особом счету. Как только поступили сообщения о происходящем, она встревожилась и приказала мне разобраться.

– Может, просто высадишь нас у отеля?

– Нам необходимо удостовериться в том, что восстановлены нормальные отношения между тобой и Форстером. После этого мы выпустим вас. Ночь вы проведете в камере, под наблюдением.

Улыбка на лице Джека расплылась шире.

– Так, значит, нам просто устроиться поудобнее и наслаждаться отдыхом? И ждать, пока доктора нас проверят поутру?

– Примерно так. А еще тебе нужно отключиться.

– Разве? Мне ведь так приятно!

Фист заставил тело Джека вытянуть руки перед собой, покрутить их, сжать и разжать пальцы. Выглядело это так, будто машину запустили в пробный режим.

– Эх, как же это здорово – иметь тело! Мне нравится быть настоящим парнем.

– Твои действия незаконны. Отключайся, или мы будем вынуждены принять меры, когда ты завладеешь этим телом.

– Знаешь, а мне ведь казалось, что с тобой весело будет пообщаться. – Фист укоризненно покачал головой.

И отключился – словно мгновенно перерезали невидимые нити. Руки Джека бессильно опустились, голова запрокинулась, глаза закатились. Он осел набок, ударившись об окно. Порез на его щеке закровоточил снова. Корасон протянула руку, чтобы закрыть ему глаза, и испачкала форму кровью. Досадливо передернув плечами, лейтенант подправила немного настройку своей сетевой оболочки, делая пятно невидимым.

Спустя несколько часов Джек пришел в себя. Первое, что он увидел, – наблюдающий за ним микродрон. Робот-надзиратель был простейший: серебряный шарик с синей мигалкой наверху. Глаз нет, над крошечным отверстием нарисованы черные усики.

– Вы проснулись? – спросил робот.

Джек не ответил. Он сел на кровати. Мышцы одеревенели, не хотели слушаться, суставы скрипели. Присутствие Фиста не ощущалось вообще. Микродрон приблизился и заговорил басовитее, громче: «Я спрашиваю, вы проснулись?»

Интересно, кто писал для него программу устрашения? Дрон низко загудел, имитируя звук заряжающегося тазера. Наверное, этого нужно бояться. Джек рассмеялся, вспомнив свою космическую войну, и удивился собственному смеху. Давненько он его не слышал!

– Да, проснулся, – подтвердил он.

Гудение стихло, в потолке открылась узкая щель, и дрон шмыгнул в нее. Любопытно, кого он отправился предупреждать? Джек встал, поморщился от боли – словно песка насыпали в суставы. В памяти всплыли последние моменты перед тем, как пришло спасительное

забыть. Он лежал лицом вниз, спина – ободрана начисто. Громадная кошка лежала рядом, с урчанием грызя что-то мокрое, мягкое, красное. Вторая пантера слизывала текущую по бедру Джека кровь, время от времени слегка царапая кожу клыками. Третья дышала жарко в затылок, дергала тихонько хребет, пробуя когтем белую лестницу позвонков. Затем Хьюго перехватил управление – и мир исчез.

Джек налил в раковину воды, ополоснул лицо. Ее холодное прикосновение показалось таким честным, милосердным. Реальным. Выбившийся из сил Фист еще спал. Да уж, управлять людьми непросто. Конечно, он скоро очнется, но пока можно наслаждаться покоем.

Позади зашипела, открываясь, дверь.

– Джек, знаете, я хотела позвонить вам. И поблагодарить за спасение Ифора, – сообщила Корасон.

– Это я работаю за Внуб.

– Хорошо, но что вы себе позволили потом?

– Снова делал за вас вашу работу.

– Вы вломились в чужой дом, как обычные потогоны!

– Я веду расследование. Занимаюсь тем, чем следовало бы заняться вам.

– И что же вы расследуете? Что пытаетесь доказать?

– Ахматов подтвердил то, о чем я говорил вам.

– Что кто-то из Пантеона возит наркотики? Ох, Джек, оставили бы вы это.

– А еще он подтвердил то, что меня отправили в космос, а Гарри перевели в другой департамент потому, что мы подобралась слишком близко. Два года спустя Гарри открыл дело заново – и был убит.

Про смерть Андреа Джек говорить не стал.

– Вот вам целый букет под одной этикеткой. Теперь убийцы Гарри хотят заполучить Фиста. Они подождут, пока меня не станет, и возьмут его.

– Это невозможно! Боги не ведут себя так! – возмутилась лейтенант.

– Сами проверьте. Поднимите дело Бьерна Пендервилля, про читайте наши отчеты. А если это для вас слишком трудно, спросите себя, почему не арестовали Ауд Ямату и не закрыли «Царь-пантеру».

Корасон присела на маленькую кровать в углу камеры.

– Вы истолковываете произошедшее слишком однобоко. – Она посмотрела на Джека дружелюбно и участливо. – Я хорошо понимаю, отчего вы злитесь на Пантеон. И почему вы так упорно пытаетесь отыскать подлинную причину, по которой Сумрак отправил вас на войну в космос. Но я уверена: найдутся и другие объяснения.

– Корасон, вы не делаете свою работу. Вы не видите реальности, потому что верите в непогрешимость богов.

– Джек, ваша реальность – всего лишь плод вашего воображения.

– Это преступление, нуждающееся в расследовании.

– Послушайте, Джек, я представляю, как вам было тяжело там, на войне. Думаю, даже Лестак поразилась, когда как следует обдумала ваше положение. Я поняла, как мало знаю о Войне программ, и стала изучать ее. Мне очень жаль, что у вас осталось так мало времени. От такого ожесточится любой. Но думать, что лично вас преследуют боги... Джек, они так не поступают. Боги на нашей стороне. Они работают для нас.

– Корасон, я воевал за них и для них. Я знаю, как они устроены. Они – машины войны. Боги любят власть и хотят удержать ее. Если ты встанешь у них на пути – тебе конец. Вот и все.

– Ох, Джек, вы же когда-то так преданно служили Пантеону – и теперь такое...

Форстер ощутил себя до крайности уставшим. Из глубины донеслось тихое клацанье. Паец просыпался.

– Так или иначе, я пришла сюда не спорить о вашем прошлом. Ахматов не выдвигает обвинений. Он знает о вашем положении и сказал, что понимает, каково вам.

– Ахматов не выдвигает претензий, потому что ему так приказали. Он зашел слишком далеко, его одернули.

– Ох, господи боже! Ахматов раз в жизни показал себя порядочным человеком. Будьте ему благодарны хотя бы за это.

– Известный преступник делает что-то совершенно не в его характере, и вы даже не задаетесь вопросом почему? Фиста хотят получить неповрежденным, потому Ахматов и получил приказ не трогать нас.

– Джек, Пантеон наблюдает за Фистом. Никто не сможет захватить и использовать его. Форстер вдруг ощутил себя совершенно вымотанным. Желание спорить пропало.

– На все божья воля, – вздохнул он тяжело.

Лейтенант встала, подошла к дверям, прикоснулась, открывая их. Но вопреки ожиданиям Джека не ушла, а повернулась к нему:

– Я говорила с Фистом.

– Когда он заправлял мной?

– Да. С ним, должно быть, трудно ужиться.

– Его сделали для определенной цели. – Джек пожал плечами. – Быть приятным в общении в его задачи не входило.

– А каково оно, когда Фист берет верх? Куда деваетесь вы?

Джек вздохнул снова:

– Меня тогда, в общем, просто нет...

Он сел на кровать, подыскивая слова и удивляясь тому, что хочет отвечать на вопрос Корасон. Та глядела на него с неподдельным интересом и озабоченностью.

– А почему это так вас беспокоит? – Джек разозлился. – Бога ради, посмотрите материалы дела! И увидите: я прав. Корасон, вы же хотели когда-то стать журналисткой! Представьте, что вы нашли самый сочный и вкусный сюжет вашей жизни! Да ведите же себя как следователь, а не как гребанный психотерапевт! Выясните, отчего меня выгнали на войну. Узнайте, что собираются делать с Фистом.

– Хорошо, Джек, я загляну в материалы дела. Но помните: я это делаю, чтобы помочь вам. И не надо злоупотреблять моим расположением.

Дверь за ней, зашипев, закрылась.

## Глава 13

«И что теперь делать будем, гениальный сыщик?» – осведомился Фист.

Они сидели в гроыхающем поезде, который катился в Док. Джек отверг предложение Корасон подбросить их до отеля на флаере, чем разозлил Фиста. Сначала паяц сидел, надувшись, но вскоре безделье ему наскучило, и он принялся теревить хозяина.

«Может, мы собираемся отважно проникнуть в очередную кучу дерьма, чтобы нас там изобретательно и свежо помучили? Или ты опять хочешь выследить свою мертвую подружку? Еще можно побродить по спальным районам, выискивая куски искусственных разумов, которых мы убивали годами. Или, разнообразия ради, ты хочешь заявиться к папочке, чтобы тот немножко на тебя наорал? А может, нам стоит повывяснять малость еще, насколько тебя ненавидят, когда ты отключен от сети? Ну и засрал же ты свою жизнь! Честное слово, сдается мне, на самом деле ты радуешься, что я наконец с ней покончу!»

«Лучше скажи, Фист, как тебе понравилось быть мной? Ты попробовал управлять телом – и как тебе перспектива владеть им?»

Паяц не ответил.

«Мы напишем письмо Андреа, – пообещал Джек. – И она приведет нас к Гарри. Он ведь тоже расследует все это. Нужно сконцентрировать усилия».

«Но, Джек, ты же обещал, что после „Царь-пантеры“ ты прекратишь соваться в эти дела!» – заныл Фист.

«Я обещал, что оставлю такие попытки, если мы добудем все нужные данные. Мы не добыли. Но выяснили, что после моей смерти тебя используют как оружие. Я такого не позволю».

«Это нечестно! На тебя нападут, подстрелят или вовсе убьют. А что тогда будет со мной?» – взмолился паяц.

«То же, что и со мной. Как всегда. Уж поверь мне, я нашей близости не слишком рад. А теперь прекрати истерику и вспомни, что сказал Ахматов: пока мы в безопасности».

Вернувшись в отель, Джек решил выйти в сеть. Паяц попытался сделать вид, что этому препятствуют неполадки с техникой, и его пришлось приструнить. Фист сдался и осуществил подключение.

Конечно, аватар Андреа – не более чем статичный отзвук мертвого прошлого. Но все равно Джек вызвал виртуальные клавиатуру и дисплей и принялся заниматься тем же, чем занимался множество раз в комнатке сетевого доступа в тюрьме на Каллисто, – писать письмо. Кто прочитает его, Джек не знал и потому написал как влюбленный, с тоской вспоминающий о счастливом прошлом, а не как сыщик, старающийся разгадать темные секреты в нем.

«Андреа, я вернулся к самому началу. Думал, это поможет мне расставить точки над „и“, но понял, что один не справлюсь. Чтобы все понять, мне нужна помощь. Помогите, пожалуйста».

Раньше Джек заканчивал все свои письма к ней словами «со всей моей любовью». Но теперь он заколебался и в конце концов оставил письмо неподписанным.

После двухчасового ожидания пришел ответ. В воздухе перед ним повисли ее облеченные в слова мысли – единственное, чем Андреа могла делиться с ним столько долгих лет.

«Джек, я же сказала тебе: я не хочу, чтобы ты копался в этом снова. Если будешь продолжать, можешь пострадать. Брось!»

Обычно она тоже заканчивала письма как влюбленная женщина. А теперь – ничего.

Джек ответил сразу же.

«Андреа, я теперь не могу отступить. Я должен довести до конца. Мне это не повредит, я знаю точно. Объясню почему, когда мы увидимся. Я начал думать о будущем. И хочу удостовериться в том, что о Фисте позаботятся».



Фист читал, заглядывая через плечо. Прочитав последнюю фразу, он хмыкнул:

«Джек, обо мне не надо заботиться. А надо мне, чтобы ты оставил это дерьмо. Как и обещал».

«У нас нет выбора. Они хотят управлять тобой. И придут за тобой, как только ты возьмешь мое тело. И не сомневайся».

«Пусть приходят! Уж я им всыплю!» – хихикнул паяц.

«Как всыпал в „Царь-пантере“?» – осведомился Джек.

«Иди к черту!»

Фист обиженно молчал, пока Джек допечатывал письмо.

«Андреа, пожалуйста! Нам стоит поговорить. Всем нам».

Он не мог упоминать Гарри, но знал: она поймет, что слова «всем нам» означают и его. Все, письмо написано. Надо подписаться. Если пишешь как влюбленный, по-иному чувствуешь ситуацию. Не только умом и совестью – но и сердцем. Когда ты растерян и мал перед стеной черноты, хочется не сражаться, а бежать от боли и страха. А самый простой способ уменьшить боль – поделиться ею. «Когда я впервые повстречал тебя в Доме, ты помогла мне увидеть жизнь. Ты помогла мне увидеть истину, когда я бился в отчаянии на Фобосе, узнав, как мало осталось у меня времени. И пока оно у меня еще есть, пожалуйста, помоги мне в последний раз».

«Я люблю тебя, Джек».

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.